

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА
ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

ЛИ ЧАЙЛД

& ЭНДРЮ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР:

ВРЕМЯ
СВОБОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Ли Чайлд
Эндрю Чайлд
Джек Ричер: Время свободы
Серия «Джек Ричер», книга 27
Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70369999

ISBN 978-5-389-25193-9

Аннотация

Тихий, скучный городок в штате Колорадо всколыхнула трагедия: погибла женщина. По словам одного уважаемого свидетеля, она сама бросилась под колеса. Однако случайно оказавшийся на месте происшествия бывший военный полицейский Джек Ричер собственными глазами видел, как прохожий, с безучастным видом остановившийся рядом, вдруг толкнул жертву под автобус, затем схватил ее сумку и исчез. Ричер не может допустить, чтобы преступнику, каким бы ни был его мотив, сошло это с рук, и решает докопаться до правды. Он узнает, что женщина была сотрудницей частной тюрьмы в Миссисипи и приехала в Колорадо, чтобы сообщить своему бывшему начальнику некие тревожные сведения. Однако не успела – тот скончался, предположительно от сердечного приступа. Две смерти, одна за другой. И это только часть заговора,

в котором замешаны очень влиятельные люди, поэтому, когда неугомонный Ричер нарушает их планы, они собираются так или иначе устранить угрозу. Но кто из них мог предположить, что, если угроза исходит от Джека Ричера, план Б не сработает?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	56
Глава 10	66
Глава 11	73
Глава 12	84
Глава 13	90
Глава 14	104
Глава 15	118
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Ли Чайлд, Эндрю Чайлд Джек Ричер: Время свободы

*Посвящается всем, кого мы слишком рано
потеряли*

Глава 1

Совещание проходило в помещении без единого окна.

Помещение было прямоугольной формы, а окон в нем не имелось, поскольку и наружные стены тоже отсутствовали. Эта комната располагалась внутри просторного квадратного помещения, а то, в свою очередь, находилось внутри восьмиугольного, еще большего по площади. В такой вот матрешке, которая официально называлась блоком S2, и проводились заседания руководства исправительного учреждения «Минерва», расположенного в городе Уинсон, штат Миссисипи. Вместе с другим блоком – изоляционным блоком одиночных камер S1 – S2 считался во всем тюремном комплексе самым защищенным местом. Подобно средневековому замку, он был окружен как бы концентрическими кольцами крепких стен. Авторы проекта все рассчитали так, чтобы этот

блок был неприступен. Как со стороны внешнего мира, даже если нападающие будут настроены самым решительным образом, так и изнутри самого тюремного комплекса, случись, чего доброго, отчаянный бунт заключенных.

Фактор безопасности играл, конечно, немаловажную роль, но главной причиной выбора именно этого места встречи было то, что сюда не мог проникнуть ни один человек из посторонних. Это гарантировало совершенную секретность совещания. Остальная часть блока S2 пустовала. Здесь не было никакой охраны. Никаких работников администрации. И все сто двадцать тюремных камер также были свободны. В их использовании не нуждались. И все благодаря курсу, избранному нынешней администрацией. Этот прогрессивный подход являлся предметом ее гордости. И к тому же обеспечивал великолепный пиар.

В помещении находились шесть человек, и за последнюю неделю это было уже третье секретное совещание. Присутствующие равномерно расположились за длинным и узким столом; к пустой белой стене было выдвинуто еще два стула. Вся мебель в комнате была изготовлена из светло-синего поликарбоната, и каждый предмет отлит целиком, без единого соединения или шва. И материал, и сама форма изделий обеспечивали высокую прочность: сломать их было не так-то просто. А цвет не позволял скрыть какую-либо поврежденную часть. Весьма практично. Хотя и не очень удобно. Мебель эта осталась здесь от прежней администрации.

Трое из присутствующих мужчин были в костюмах. Во главе стола сидел Бруно Хикс, генеральный директор и один из основателей компании «Минерва». По правую руку от него устроился Деймон Брокман, исполнительный директор компании, а также ее учредитель. Рядом с Брокманом расположился Кёртис Ривердейл, начальник тюрьмы. Человек, сидящий рядом с Ривердейлом, последний с этой стороны стола, был в униформе. Его звали Род Мосли, он служил в должности главы Управления полиции Уинсонского округа. На противоположной стороне стола, по левую руку от Хикса, сидели двое; по виду обоим было где-то под тридцать. Оба в черных футболках и джинсах. У одного был сломан нос, под глазами синяки, на лбу яркие лиловые кровоподтеки. У другого левая рука висела на перевязи. Оба старательно прятали глаза.

– Итак, есть ли у нас проблема, или ее нет? – пожимая плечами, спросил Брокман. – Может ли кто-то с полной уверенностью утверждать, что она существует? Нет. Следовательно, надо двигаться дальше согласно утвержденному плану. Слишком многое поставлено на карту, чтобы каждого куста бояться.

– Нет, – покачал головой Ривердейл. – Лично мне представляется так: если проблема возможна, это значит, что она существует. Безопасность прежде всего. Мы должны...

– Мы должны все выяснить наверняка, – подхватил Мосли. – И принять взвешенное решение. Главное, узнать, дей-

ствительно ли тот человек успел заглянуть в конверт. Именно это мы и должны сделать.

Все продолжали молчать.

– Ну? – Мосли вытянул под столом ногу и пнул ею парня с перевязанной рукой. – Ты что, уснул? Что молчишь?

– Мне надо отдохнуть, – отозвался тот, подавляя зевок. – Мы гнали до Колорадо всю ночь. И целую ночь обратно.

– И что из этого? – Мосли снова пнул его ногой. – Ну, говори. Заглянул он в конверт или нет?

– Мы не знаем, – ответил парень, тупо уставившись в стену.

– Знать, заглядывал он туда или нет, мало, – сказал Ривердейл. – Если заглядывал, мы должны быть уверены, понял ли он то, что там увидел. И если понял, что собирается с этим делать.

– Заглядывал или не заглядывал... какая разница? – покачал головой Брокман. – Положим, заглянул, и что с того? Там нет ничего такого, что проясняло бы суть дела.

– Там говорится про пятницу, десять утра. Все предельно ясно: и время, и дата, и место.

– И что?! – воздел руки Брокман. – Пятница – прекрасный повод для радости или праздника. Тут нет ничего подозрительного.

– Но там была фотография, – медленно проговорил Ривердейл, подчеркивая каждое слово взмахом указательного пальца. – Восемь на десять. Ее нельзя было не заметить.

– И опять же в ней нет ничего такого, – сказал Брокман и откинулся на спинку стула. – Если, конечно, этот парень не заявится прямо сюда. В пятницу. Но и тогда ничего страшного. Мы все провернули весьма аккуратно.

– Вовсе нет. Да и как можно было? Выбрать-то пришлось всего из девяти.

По лицу Мосли скользнула улыбка.

– Смейтесь вы, что ли? Тот, которого мы выбрали, совершенный дурачок.

– Я бы так не сказал, – бросил на него сердитый взгляд Ривердейл. – И откуда вы взяли девять? Ведь было всего пять. У остальных были родственники. Так что их пришлось исключить.

– Девять... пять... какая разница? – буркнул Брокман. – Количество здесь не имеет значения. Значение имеет только результат. А он получился довольно неплохим. Даже если этот парень сюда и заявится, то насколько близко он сможет к нам подобраться? Не ближе чем на сотню метров.

– А зачем ему заявляться? Он может все увидеть по телевизору. Найти в Интернете. Прочитать в газетах.

– Начальник тюрьмы прав, – согласился Мосли. – Возможно, в данный момент не стоит обращать на это много внимания. Да и средства массовой информации следует исключить. Можно было бы запустить какую-нибудь фигню насчет того, что нужно, мол, уважать частную жизнь заключенного... что-нибудь в этом роде.

– Незачем, – покачал головой Брокман. – Думаете, у этого типа есть телевизор? Или компьютер? Или он выписывает «Нью-Йорк таймс»? Помилуйте, он же гол как сокол! Зачем выискивать какие-то проблемы? Здесь их нет.

Хикс побарабанил пальцами по столу.

– Внимание прессы для нашего бренда – довольно неплохо, – произнес он. – Мы всегда стараемся обратить на себя внимание общества. И всегда его получаем. Но если сейчас изменим этот курс, то привлечем к себе еще больше внимания. И люди станут думать, что у нас что-то не так. Однако я все же думаю, нам обязательно надо это узнать. Заглядывал он в конверт или нет? – Хикс повернулся к ребятам в футболках. – Как все-таки вы считаете? Что, по вашему мнению, наиболее вероятно? Мы примем любой ответ. А там уж будь что будет. Мы все понимаем. Ну, говорите, что вы сами обо всем этом думаете.

Парень со сломанным носом раскрыл рот и глубоко вздохнул.

– Думаю, заглянул, – промычал он.

– Думаешь? – переспросил Хикс. – Но не уверен?

– Не на сто процентов.

– Хорошо. Где был конверт?

– В сумке.

– А где была сумка?

– Лежала на земле.

– Ты ее туда положил?

– Мне нужно было, чтобы руки были свободны.

– И где она была, когда приехала машина? – спросил Хикс.

– На земле, – ответил тот, что с перевязанной рукой.

– На том же месте?

– Да кто его знает? Когда Роберт положил ее, меня там не было. А когда я ее поднял, Роберт был без сознания.

Хикс секунду-другую молчал.

– Хорошо, – сказал он. – Как долго этот тип оставался наедине с сумкой?

– Мы не знаем. Но вряд ли долго. Максимум пару минут.

– Значит, заглянуть он мог, это вполне возможно. Хотя бы на секундочку.

– Верно, – кивнул парень со сломанным носом. – Не забывайте, что сумка была расстегнута. Но вот как это случилось и почему? Мы ее не расстегивали.

Брокман наклонился вперед:

– Судя по тому, что вы тут рассказывали, сцена была масштабная. Всюду обломки. Полный разгром. И сумка могла расстегнуться случайно. Но все это нам мало о чем говорит. Кстати, другие двое не докладывали о том, что он заглядывал в сумку.

– Они вообще ни о чем не докладывали, – сказал тот, что с перевязанной рукой. – Мы даже не знаем, где они сейчас.

– Должно быть, еще на пути обратно, – сказал Брокман. – Вероятно, какие-то проблемы со связью. Но если бы при-

чины для беспокойства действительно были, они бы нашли способ нам сообщить.

– И тот тип полиции ничего об этом не сказал, – вставил Мосли. – А это кое-что значит. Я уже пару раз разговаривал с тамошним лейтенантом.

– А я все-таки думаю, что он в конверт заглянул, – сказал парень со сломанным носом.

– Надо дать отбой, – решил Ривердейл.

– Чушь собачья! Ты умнее ничего не мог сказать? – вскинулся Брокман. – Не мы устанавливали дату. Не мы назначали время. А судья, когда подписывал постановление об освобождении. Вам это прекрасно известно. Если будем, черт побери, все время тянуть кота за хвост, то погрязнем во всяких проверках. Вы же понимаете, к чему это приведет. Тогда уж лучше сразу выстрелить себе в башку.

– Я не говорю, что надо все отложить, – нахмурился Ривердейл. – Просто считаю, что надо вернуться к первоначальному плану. Уход от него был ошибкой.

– Это решило бы нашу пятничную проблему. Если она и вправду существует. Зато потом нам будет не выбраться из более серьезной ситуации. Ситуации с Карпентером, в которой мы завязли.

– Я с самого начала говорил, что решить ее проще пареной репы. Пулю в затылок – и все дела. Хотите, сделаю это сам, если вы такой щепетильный?

– А вам известно, чего нам это будет стоить? Какой бизнес

мы потеряем? Сколько денег?

– Если этот тип поймет, что к чему, мы потеряем нечто гораздо большее. Больше, чем деньги.

– Но как он сможет это понять?

– Он может явиться сюда. Вы же сами сказали. И что-нибудь тут обязательно нарост. Он служил в военной полиции. Это у него в крови.

– С тех пор как он там служил, много воды утекло, – сказал Мосли. – Вот что мне сказал лейтенант.

Хикс продолжал барабанить пальцами по столу.

– Что еще мы о нем знаем? – спросил он.

– Не так уж много. У него нет водительских прав. В Службе налогообложения нет сведений о том, что он где-то работает. С тех пор, как он уволился из армии. В социальных сетях не зарегистрирован. Свежих фотографий не существует. Сейчас он просто бродяга. Как ни печально, но больше добавить нечего. По всему, особо беспокоиться не о чем.

– Бродяга или миллионер, какая разница? Он что, сумасшедший – ни с того ни с сего проехать полстраны только потому, что заглянул в какие-то бумаги и увидел безобидную фотографию?

– Думайте себе что хотите, но меня это все-таки беспокоит, – вздохнул Ривердейл. – Всякий раз, когда мы встречались, мы думали, что проблема решена. И всякий раз ошибались. Что, если мы ошибаемся и сейчас?

– Мы не ошибались! – хлопнув ладонью по столу, заявил

Брокман. – С каждой ситуацией, по мере ее возникновения, мы успешно справлялись. В девяносто девяти процентах случаев.

– В девяносто девяти. Но не в ста.

– В жизни не бывает все идеально. Иногда стаканы бьются, и приходится убирать стекло. Что мы и делали. Мы обнаружили, где у нас утечка. И заткнули ее тем способом, с которым все согласились. Мы узнали про пропавший конверт. И вернули его опять же тем способом, с которым все были согласны.

– А теперь вдруг узнаём, что этот чудак успел сунуть в него нос.

– Гипотетически. Наверняка мы этого не знаем. Но вы должны согласиться с тем, что это маловероятно. Полицейским он ничего не сказал. Нам это точно известно. И ничего не сказал сотрудникам ФБР, как и сотрудникам Федерального бюро тюрем. Мы бы об этом уже знали. Предположим, что за пару секунд, пока он держал конверт в руках, этот тип все понял. Зачем ему запоминать эту информацию? Что ему с ней делать? Шантажировать нас? Вы серьезно считаете, что он станет тащиться сюда тысячу двести миль, чтобы быть здесь в пятницу? Бросьте!

– Джентльмены! – Хикс снова хлопнул ладонью по столу. – Хватит уже. Достаточно. Вот мое решение. Заглядывали тот тип в конверт, мы не знаем. Это крайне маловероятно, так что не будем паниковать. Особенно если учитывать

последствия. Но осторожность тоже не повредит. Нам ведь не трудно будет его узнать?

Парень со сломанным носом кивнул.

– Конечно, – согласился он. – Мимо такого не пройдешь. Ростом шесть футов пять дюймов, не меньше. Вес фунтов двести пятьдесят. Весь обросший.

– Не забудьте, что он довольно сильно зашибся, – вставил тот, что со сломанной рукой. – Уж я об этом позаботился.

– Лучше бы уж сразу пришиб, – проворчал Брокман.

– Я думал, что так оно и было.

– Почему не проверил?

– Но как? Ведь вы сами приказали тем двоим: сделать все так, будто это несчастный случай. Думаю, они тоже старались вести себя с ним соответственно. Трудно выдать все за несчастный случай, если бы я вогнал пулю ему в башку.

– Ну все, хватит! – прервал его Хикс, и все замолчали. – Вот вам мой план. Установим наблюдение. Круглосуточное. Начиная с этой минуты и в течение всей субботы. Если он сунет нос в наш город, подождем. Здесь не надо беспокоиться о том, как все выглядит.

Глава 2

Джек Ричер прибыл в город Джеррардсвилл, штат Колорадо, в понедельник утром, за два дня до того, как люди из «Минервы» в третий раз сошлись на свое тайное совещание. Добирался он на попутном грузовике, доставлявшем тюки с люцерной на ферму, расположенную неподалеку к югу от города, и последнюю милю преодолел пешком. Прогулка доставила ему большое удовольствие. Погода стояла теплая, но не жаркая. Над головой простиралось синее небо, по которому медленно плыли белые облака. На высоте мили над уровнем моря воздух был свеж и прозрачен. Вокруг раскинулась покрытая зелеными посадками плодородная равнина. Границы тянувшихся до горизонта полей обозначались опорами для поливочных труб, а между ними к солнцу стремились стебли с листьями самых разных оттенков и размеров. Слева горизонт был перекрыт горной грядой. Горы вздымались прямо из земли, без каких-либо пологих предгорий или холмов, и покрытые шапками снега вершины, словно зубцы пилы, вонзались в синее небо.

Ричер шел и шел себе по дороге, которая привела его к главной улице городка. Она тянулась примерно с полмили, и всего лишь через квартал магазины и офисы с обеих сторон уступили место жилой застройке. Здания коммерческого назначения почти не отличались друг от друга – все двух-

этажные и явно построенные по одному проекту. Возраст их тоже был одинаков: судя по датам, вырезанным под самой крышей, эти дома возвели в конце XIX века. Казалось, с тех самых пор время здесь застыло навсегда. То самое время, когда дорожили мастерством в любом ремесле: фасады были сложены из известняка, мрамора или гранита; двери и окна украшены искусной резьбой, покрытой позолотой. Все это содержалось в безупречном порядке. Ричер высоко оценил то, что предстало перед его взором. Но явился он в этот город вовсе не для того, чтобы любоваться его архитектурой. Он пришел сюда с намерением посетить местный музей.

Накануне в одной закусочной Ричеру попала в руки оставленная кем-то газета. Он наткнулся на статью, посвященную некоему зубному врачу и его металлоискателю. Этот прибор друзья и коллеги подарили доктору в день его выхода на пенсию. Подарок носил шуточный оттенок, поскольку дантист славился тем, что, обнаружив в зубах своих пациентов поставленные другими его коллегами металлические пломбы, убеждал их в том, что эти пломбы необходимо извлечь и заменить новыми. И вот, чтобы как-то занять свалившееся на него свободное время, этот человек вдруг обнаружил в себе задатки археолога-любителя. Доктор давно уже увлекался историей Гражданской войны и теперь, имея в руках металлоискатель, принялся посещать одно за другим многочисленные места баталий. И крупных столкновений, и незначительных, известных и не очень. Например, под горо-

дом Пи-Ридж в штате Арканзас, где произошло одно из сражений, он обнаружил довольно много артефактов, имеющих отношение к артиллерии, не говоря уже о других находках. Данные артефакты попали на передвижную выставку, посвященную эволюции военной тактики армии юнионистов¹. Именно это событие привлекло внимание Ричера. Сейчас передвижная выставка открыла свою экспозицию в городке Джеррардсвилл. А поскольку до него было всего несколько миль и экспозиция еще не закрылась, Ричер решил на нее взглянуть.

По дороге он завернул в кафе, выпил чашечку кофе и до музея добрался еще до полудня. И пробыл в нем до самого закрытия. Одной из сотрудниц музея даже пришлось его выпроваживать. Звали ее Александра. Ричер разговорился с ней о выставке. Мало-помалу разговор перешел на городские ресторанчики и прочие подобные заведения, и они закончили тем, что вместе отправились перекусить гамбургерами. Александра привела его в довольно неряшливую забегаловку, с деревянными, грубо сколоченными столиками. Длинными скамейками. Скрипучими полами. И украшенными старыми долгоиграющими пластинками стенами. Но еду подали быстро. Тарелки были наполнены доверху. И стоило это удивительно дешево. Ричеру тут очень понравилось.

¹ Юнионисты (от англ. union – союз) – название партий и политических течений, выступающих за союз, объединение. Союз в США периода Гражданской войны – федерация 24 северных штатов, противостоящих южным конфедеративным штатам Америки. – *Здесь и далее примеч. перев.*

За едой разговор перешел на музыку, и, перекусив, они отправились прямо в бар. Небольшой. Уютный. Здесь царил полумрак. Играл живой оркестрик, который в основном исполнял блюзы. Репертуар главным образом Мэджика Слима², разбавленный кое-какими песенками Хаулина Вулфа³. Ричеру и это очень понравилось. Александра заказала два пива, а за пивом тема разговора снова сменилась. На этот раз радикально. И привела их прямиком в квартиру Александры.

Квартирка ее располагалась над магазином, неподалеку от главного перекрестка города. Совсем маленькая. Обставленная в минималистском стиле. Ну что касается мебели. А также декора. Но там все же имелся холодильник, так что они выпили еще пива. Проигрыватель компакт-дисков здесь тоже оказался, поэтому они еще немного послушали музыку. Была в квартирке и спальня. И как только они до нее добрались, больше им уже ничего не понадобилось.

² *Мэджик Слим* (настоящее имя Моррис Холт; 1937–2013) – американский блюзовый певец и гитарист.

³ *Хаулин Вулф* (англ. Howlin' Wolf – Воющий Волк, настоящее имя Честер Артур Бёрнетт; 1910–1976) – американский блюзмен, гитарист, автор песен.

Глава 3

Музей открывался только в десять утра, поэтому Ричер и Александра до самой последней минуты провалились в постели. Правда, нельзя сказать, что все это время они провели во сне. Когда Александра поняла, что опаздывает на работу, она вскочила и побежала в ванную. После того, что они с Ричером вытворяли совсем недавно, без душа было не обойтись, в этом она не сомневалась. А Ричер тем временем сварил кофе. Потом Александра поцеловала его на прощание и поспешила в музей – охранять выбранный ею кусочек далекого прошлого. Ричер тоже принял душ, но уже спокойно, не торопясь, потом спустился по лестнице и вышел на тротуар. Интересно, думал он, что готовит ему этот город в ближайшем будущем. На секунду Ричер остановился, полюбовался горным хребтом вдалеке. Потом увидел женщину, шагающую в том же направлении, куда был устремлен его взгляд. Она шла по другой стороне улицы, на запад, и уже почти приблизилась к перекрестку. На светофоре красным горела надпись «Стойте». На противоположном углу стоял какой-то человек и тоже ждал, когда можно будет перейти улицу. А к северу двигался автобус; еще каких-нибудь несколько секунд – и он проедет между ними.

Сидящая за рулем автобуса женщина увидела впереди ка-

кое-то движение.

Перед ее глазами мелькнуло некое размытое пятно, не более того. Справа и довольно низко. Нечто округлое. Оно прочертило траекторию в четверть идеальной окружности. Как будто дыня, непонятно как прикрепленная к концу веревки, – так показалось водителю и так она объяснила на следующий день допрашивающему ее полицейскому. Только это была не дыня. Это была голова. Человеческая. Голова женщины. Мелькнувшая всего в нескольких дюймах от ветрового стекла. Именно так. Ярко освещенная солнечным светом и бледная, словно голова призрака. А потом пропала. Но не потому, что привиделась. Не потому, что так показалось водителю, хотя та Бога молила, чтобы это было именно наваждение. А потому, что голова вместе с телом продолжила свой полет. И тело упало на асфальт. Прямо перед автобусом.

И закатилось под него.

Сидящая за рулем женщина рванула руль влево. Всем своим весом дала по тормозам. Ни секунды не колеблясь. Не паникуя. Она была опытным водителем. Уже много лет крутила баранку. Но все равно было уже слишком поздно. Завизжали по асфальту шины. Заорали пассажиры. Она ощутила удар. Он передался ей через рулевое колесо. Приглушенный, дрожью пробежавший по твердому пластиковому ободу. Потом толчок, но гораздо мягче, чем если бы она проехала по глубокой яме. Или въехала, скажем, в бревно. Но, с другой

стороны, в асфальте ведь не может быть костей. Которые бы с таким хрустом ломались и дробились. А у бревна нет таких органов, которые бы так лопались и брызгали кровью.

Женщина-водитель закрыла глаза и силой воли подавила подступающую рвоту. Она понимала, какое зрелище ее ждет, когда она выйдет из автобуса. Однажды ей уже довелось побывать невольным соучастником одного человека, решившего совершить самоубийство. Увы, таковы издержки ее профессии.

Человек, стоявший на противоположном углу, заметил гораздо больше.

Он видел автобус, который ехал на север. Видел женщину, которая подошла к юго-восточному углу перекрестка. У этого человека был прекрасный обзор. Он находился достаточно близко, и его словам можно было доверять. А по его словам выходило, что попавшая под колеса автобуса женщина была чем-то сильно взволнована. Даже, казалось, нервничает. Вот она посмотрела на часы. Сначала человек подумал, что она куда-то спешит. И собирается перебежать через улицу чуть ли не под носом автобуса. Но нет, перебегать не стала. Остановилась. И стояла, нервно поеживаясь и переступая с ноги на ногу, пока автобус не подъехал уже совсем близко, оказавшись почти рядом с ней. Пока у водителя не осталось никакой возможности притормозить или свернуть в сторону.

А потом эта женщина нырнула прямо под колеса.

Нырнула сама. Свидетель нисколько в этом не сомневался. Она не оступилась и не споткнулась. Не упала случайно. Она сделала это намеренно. Он судил по времени, в течение которого все происходило. По ускорению движения ее тела. По траектории кривой, им проделанной. Во всем этом видно было определенное намерение. Это никак не могло быть случайностью. Она сделала это умышленно. Другого объяснения происшедшему он не видел.

Ричер был единственным человеком, кто видел всю картину происшествия целиком.

От перекрестка он находился футах в пятидесяти. Обзору его также ничто не мешало, и угол обзора был более широким. Джек видел все: и женщину, и стоящего напротив нее через улицу и ждущего перехода человека. А еще он видел некоего третьего. Это был мужчина. Ростом примерно пять футов десять дюймов. Крепко сбитый. В серой толстовке с капюшоном и в джинсах. Он стоял на той же стороне улицы, что и женщина. Футах в восьми от нее. И в футе от проезжей части. Стоял совершенно неподвижно.

Свое место этот человек выбрал тщательно. Ричеру это было совершенно ясно. Он находился в непосредственной близости к пешеходному переходу и вместе с тем не привлекал к себе особого внимания: ну прогуливался человек без цели по улице и зачем-то остановился. От женщины он стоял достаточно далеко, и не создавалось впечатления, будто он

каким-то образом с ней связан. Но, с другой стороны, был достаточно близко, и, когда автобус подъехал, мужчине оставалось сделать каких-нибудь два-три больших шага, чтобы оказаться с ней рядом. Движения его были четкими. И быстрыми. Они походили скорее на движения тени или призрака, нежели человека во плоти. Когда он возник рядом с женщиной, она его даже не заметила. Не заметила, как его нога змеей скользнула перед ее лодыжками.

Потом этот человек положил ладонь ей между лопатками и толкнул. Слегка, без особых усилий. Оптимально расчетливо. Так, чтобы не бросалось в глаза. Незаметно для посторонних. Но как раз достаточно, чтобы достичь цели. Чтобы наверняка. Чтобы она обязательно споткнулась, потеряла равновесие и врезалась прямо в передок автобуса. И не смогла отделаться лишь сломанными костями и сотрясением мозга. Незнакомец позаботился об этом, выставив ногу. Она помешала женщине быстро переступить, вновь обрести равновесие и не упасть. Поэтому она, взмахнув руками, резко качнулась вперед, в то время как ноги ее оставались на месте. Удар, и она всем телом с размаху шлепнулась на асфальт.

Резкий удар вышиб из нее дух. И больше она не сделала ни единого вдоха. Потому что буквально через полсекунды переднее колесо автобуса наехало ей на живот и раздавило его так, что он стал плоским, как сложенная газета.

Глава 4

Автобус застыл на месте под углом к краю тротуара – словно какой-нибудь пьяный юнец угнал его, а когда надоело кататься, бросил и убежал. Передняя часть автобуса частично перекрыла перекресток. Ричер увидел, как номер маршрута на электронном табло над входной дверью сменился письменным сообщением: «Вызвать полицию». Еще он увидел ноги мертвой женщины. Они торчали из-под автобуса где-то посередине между передними и задними колесами. Одна из кроссовок с ноги соскочила. Человек, который ее толкнул, быстро достал из заднего кармана джинсов черный пластиковый мешочек для мусора. Встряхнул, чтобы мешок раскрылся. Присел на корточки перед ее босой ногой. Сунул руку под автобус. Что-то там схватил и вытащил. Ричер сразу понял, что это принадлежавшая женщине сумка. Человек сунул ее в мешок для мусора. Встал. Поправил капюшон. И зашагал по направлению к югу. Его фигура становилась все меньше и наконец исчезла.

Ричер по диагонали перебежал через улицу к автобусу. На тротуаре уже толпились зеваки. Люди выскакивали из магазинов, кафешек и офисов, всем хотелось поглазеть на мертвое тело. Какой-то человек в костюме остановил машину и тоже вышел, чтобы получше все разглядеть. Но на человека в капюшоне никто не обратил внимания. Его уже совсем за-

слонила растущая толпа. Ричер пробирался сквозь нее, расталкивая людей по сторонам, одного даже двинул по заднице. Человек в капюшоне уже миновал последние ряды любопытствующих. Прибавил шаг. Ричер продолжал двигаться вперед, еще энергичнее проталкиваясь сквозь толпу. Проскочил в щель между последними двумя зеваками и перешел на бег. Человек в капюшоне сейчас был впереди, футах в шестидесяти. Ричер сократил разрыв до пятидесяти. До сорока пяти. Потом преследуемый, должно быть, услышал за спиной приближающиеся шаги. Бросил быстрый взгляд через плечо. Увидел бегущего за ним Ричера. И тоже бросился бежать, сжимая в руке черный пакет для мусора. Другую руку сунул под капюшон. Наверное, щелкнул по наушнику. Пролаял пару отрывистых фраз. И юркнул в уходящий влево переулок.

Ричер продолжал бежать, пока не оказался в паре футов от поворота в переулок. Остановился. Прислушался. Ничего не услышал и тогда присел на корточки, пробрался вперед и осторожно заглянул за угол. Если у этого типа в руке окажется пушка, целиться он будет на уровне головы. А если нож – изготовится для удара в живот. Но никакой угрозы Ричер перед собой не увидел. Ничего и никого вообще. Тогда он встал на ноги и шагнул вперед. Переулок отличался удивительной чистотой. Стены прилегающих одно к другому зданий были сложены из светлого кирпича. Ровненькие и опрятные. Никаких надписей или рисунков. Ни единого окошка в

первых этажах не разбито. Пожарные лестницы недавно покрашены. По обеим сторонам выстроились мусорные баки. На одинаковом расстоянии один от другого. Зеленого цвета. Или синего. Все без исключения с крышками. Ни один не переполнен мусором, и на земле вокруг них не валялось ни единой бумажки.

Человек в капюшоне стоял в тридцати футах впереди. Стоял с левой стороны, прижавшись спиной к стене. Стоял совершенно неподвижно, а мусорный пакет лежал на земле у его ног. Ричер двинулся к нему. Сократил расстояние до двадцати футов. Человек поднял нижний край толстовки. Из-за пояса у него торчала прямоугольная рукоятка пистолета.

– Не двигайся, – сказал он. – Стой, где стоишь.

Ричер не послушался, продолжал идти вперед. Сократил расстояние до десяти футов.

Рука незнакомца зависла над рукояткой пистолета.

– Стой, говорю, – повторил он. – Держи руки так, чтобы я их видел. Я не хочу, чтобы кто-то сейчас пострадал. Мне этого не надо. Давай просто поговорим.

Ричер сократил расстояние до четырех футов.

– Если не считать кое-кого еще, – сказал он.

– Что? – переспросил человек в капюшоне.

– Кое-кто уже пострадал. Женщина, которую ты толкнул. Этого тебе надо было?

Человек раскрыл рот, снова закрыл и ничего не ответил.

– На землю, – приказал Ричер. – Руки за голову.

Человек в капюшоне никак не отреагировал.

– Возможно, нужды в том, чтобы кто-то еще пострадал, и нет, – продолжал Ричер. – Я имею в виду тебя. Но все зависит от того, как ты станешь себя вести.

Человек в капюшоне схватился за пистолет. Быстро. Но недостаточно быстро. Ричер схватил его за запястье, рванул его руку вправо и развернул парня лицом к стене.

– Не надо! – взвизгнул парень. – погоди. Что ты делаешь?

– Хочу посмотреть, понравится ли тебе кое-что, – отозвался Ричер. – Жаль, правда, что нет автобуса. Зато есть кирпичная стенка. Придется ей поработать.

Ричер отпустил его запястье. Поднял руку. Положил ладонь ему между лопатками. И толкнул. Толчок оказался чудовищным. Свирепым. Яростным. Намного больше, чем требовалось. Человек попытался хоть как-то увернуться, но у него не было шансов. Сила толчка была умопомрачительно огромна. Он врезался в стену лицом. Ноги его подкосились, словно у него внутри вдруг расплавились все кости, и рухнул на землю. Из царапин на лбу хлынула кровь. Нос был сломан. Возникла серьезная опасность, что он задохнется. Или захлебнется собственной кровью. Однако ни то ни другое Ричера не слишком волновало.

Глава 5

План Ричера был таков: закинуть этого типа себе на плечо и отнести обратно к автобусу. Как раз к тому времени и полиция подъедет. Но потом он поднял тот самый пакет для мусора и решил немного повременить. Внутри пакета – сумка этой женщины. А в сумке наверняка лежит нечто такое, за что можно убить человека. В армии Ричер тридцать лет занимался расследованием преступлений. Привычка – вторая натура, она живет долго. Да и полицейских сирен еще что-то не слышно. Кое-какое время у него еще есть.

Ричер подобрал упавший на землю пистолет и сунул себе за пояс. Потом подтащил парня поближе к стенке, пристроил в устойчивом положении к ней спиной и начал с его карманов. Не нашел ничего такого, где, как он надеялся, было бы указано его имя или адрес, зато обнаружил связку ключей. Выбрал самый острый и с его помощью отрезал от верхнего края пакета парочку прочных широких полосок. Связал ими руки парня и достал из пакета сумку. Квадратная, примерно восемнадцать на восемнадцать дюймов, из искусственной кожи, рыжевато-коричневого цвета, с длинным и узеньким ремешком, чтобы носить на плече, а также с обычными ручками. Одна сторона испачкана кровью. Молния сумки застегнута. Ричер открыл ее. Порылся внутри. Сначала вынул бумажник. В нем обнаружилось водительское удостове-

рение штата Миссисипи на имя Анжелы Сен-Врен и домашний адрес в городке под названием Уинсон. Три доллара в трех банкнотах. Пачка квитанций из супермаркета и аптеки. И фотография Анжелы с маленькой девочкой. Года три на вид. Очень похожей на Анжелу. Мама и дочка. Сомневаться в этом не приходилось.

Ричер положил бумажник на землю и еще раз порылся в сумке. Достал ламинированную карточку на голубом шнурке. То есть пропуск на работу. Анжела работала в тюрьме под названием «Исправительное учреждение „Минерва“», которая располагалась в Уинсоне, штат Миссисипи. Потом он нашел расческу, набор для макияжа и другие личные вещи. Связку из трех ключей. А также конверт. Обычный, дешевый конверт. Почтового размера. Но адресованный какому-то другому человеку. Некому жителю города Уинсон, штат Миссисипи, по имени Дэнни Пил. Конверт не был запечатан.

В конверте лежала черно-белая фотография, какие снимали раньше для документов, и пачка бумаг. На фотографии лицо молодого человека. Лицо вытянутое, осунувшееся, густые волосы коротко подстрижены. Стрижка сделана совсем недавно, подумал Ричер, судя по тому, что сквозь волосы просвечивает бледная кожа черепа. Он обратил внимание на глаза. Близко поставленные, широко открытые, словно парень был чем-то слегка напуган и даже немного растерян. И у этого парнишки была еще одна необычная черта.

Отсутствовала одна мочка уха. Левая. Похоже, ее кто-то отрезал. Край уха был прямой и грубо шероховатый, а от него по шее тянулся уходящий к затылку шрам. Сделано опасной бритвой, подумал Ричер. Кто-то ударил парнишку бритвой по горлу, но тот, видимо, успел нырнуть под руку нападавшего и уклонился от рокового удара. Однако проделал это недостаточно быстро и в результате остался шрам. Но паренек все же избежал смерти. Как-то так.

Бумаги в пачке разделились на две группы. На документах из первой стоял штамп «Департамент исправительных учреждений штата Миссисипи», и в них содержалось жизнеописание человека по имени Антон Бегович. Впрочем, описывался только взрослый период его жизни. Там сообщалось, что в возрасте восемнадцати лет Бегович попал в одну неприятную историю. Оказался замешан в краже со взломом. А также в целой куче других правонарушений. Тяжесть обвинений выросла до такой степени, что он оказался за решеткой. Развитие событий достаточно предсказуемое и неизбежное. А в тюрьме дела у него пошли еще хуже. Не прошло и трех лет, как он оказался в одиночной камере. И провел в ней следующие семь лет. Но второй пакет документов сообщал о том, что жизнь Беговича вдруг изменилась к лучшему.

Перемена совпала с тем, что тюрьма, в которой он сидел, перешла под управление компании под названием «Минерва». Где как раз и работала Анжела. Из одиночки Беговича вернули в обычные условия содержания. Поведение его

также изменилось к лучшему. Администрация исправительного учреждения ходатайствовала об апелляции. Дело в том, что в руках у полиции оказалось признание одного громилы, лежащего на смертном одре, в совершении преступлений, которые повесили на Беговича. Обнаружилось, что следователь, состряпавший это дело, десять лет назад покончил с собой, по уши погрязнув в игорных долгах. И судья принял решение выпустить Беговича на свободу. Освобождение ожидалось в самом скором будущем. Согласно последнему документу, Беговича должны были освободить в ближайшую пятницу в десять утра.

Ричер отправил фотографию и бумаги обратно в конверт. Конверт положил в сумку, туда же погрузил и остальные вещи Анжелы. Застегнул молнию и сунул сумку в пакет для мусора. Потом развязал руки своего пленника, а пластиковые узы сунул ему в карман. А сам стал размышлять о содержимом конверта. О трагической истории ошибочно осужденного человека. Интересно, какое отношение к этой истории имеет Анжела? И тут он вспомнил еще об одной трагедии. О той самой, что сейчас только начиналась. Что же теперь будет с маленькой девочкой на фотографии в бумажнике? С дочерью Анжелы, которая теперь будет расти без матери.

Глава 6

В переулок въехала какая-то машина. Черный седан. Чистенький до блеска. Сияющий лаком. «БМВ». Ричер понял это, увидев сине-белую эмблему на капоте. Символизирующую синее небо и белые облака. Об этом Ричер однажды где-то прочитал. Происхождение логотипа было связано с прошлым компании, некогда занимавшейся производством авиационных двигателей. Впрочем, какая это модель, Джек понятия не имел. К автомобилям он был равнодушен.

«БМВ» осторожно продвигался вперед. Водитель, тоже нахлобучивший серый капюшон, притормозил, остановился, опустил стекло:

– Держи руки так, чтобы я их видел. И отойди в сторонку. Ричер даже не пошевелился.

Водитель перевел сцепление в нейтральное положение, но двигатель глушить не стал. Нажал на педаль газа два раза подряд, потом еще три раза, подождал, пока стихнет рев.

– Я сказал, отойди в сторонку, – повторил он.

Ричер не двинулся с места.

Машина остановилась в десяти футах от Ричера и футах в восьми от стены. Отключившийся тихонько лежал себе на земле в шести дюймах от каблуков Ричера. Похоже, он был приятелем водителя. Поэтому тот хотел, чтобы Ричер отошел в сторонку. Чтобы ненароком не принести вреда обоим.

Ричер продолжал стоять, где стоял.

Машина поползла вперед. Водитель вцепился в руль. И ехал так до тех пор, пока между Ричером и передним бампером не осталось и четырех футов. Потом выпрямился и резко нажал на газ. Машина рванула вперед. Правой рукой водитель продолжал держать руль. А левой нажал на дверную ручку. Распахнул дверцу и держал ее так, как держит щит конный рыцарь, желающий ударить им своего противника. Чтобы сбить его с лошади на землю. Или как минимум потеснить в сторону.

Отступать Ричер и не подумал. Вместо этого сделал шаг вперед. Прямо к машине. Поднял согнутую в колене ногу и подушечкой стопы врезал прямо в дверцу. Вложив в этот удар всю свою мощь. А также весь вес. Удар пришелся в самую середину. Металлическая обшивка дверцы с визгом вмялась, а сама дверца чуть не согнулась пополам. И с грохотом захлопнулась. Автомобиль со свистом промчался мимо Ричера и вильнул вправо. Водитель пытался справиться с управлением. С силой нажал на тормоз, но опоздал, совсем чуть-чуть. Правой передней фарой автомобиль врезался в мусорный бак, стоящий с другой стороны переулка. Фара разлетелась вдребезги. Водитель переключился на заднюю передачу и снова нажал на газ. Отчаянно принялся вертеть руль. Машина развернулась. Задняя левая фара поравнялась с ногами Ричера. С типом, валяющимся на земле в отключке, ничего не случится. Он будет в безопасности под свесом

автомобиля. Но вот Ричеру деваться некуда. Под таким углом машина просто размажет его по стене.

Ричер сделал нырок в направлении улицы, перекувырнулся через голову и быстро встал на ноги. А автомобиль врезался в стену. Раздался звон бьющегося стекла. Осколки посыпались на грудь и живот лежащего без сознания. Но одежду его не пробили. Да и удар был не так уж силен, чтобы обездвижить автомобиль.

Водитель остался на месте. Понятное дело, не хотел помериться с Ричером еще и на кулаках. Но и попыток стрелять не делал. Ричер подумал, что он, наверное, желал бы обставить все так, чтобы было похоже на несчастный случай. Выглядело бы, конечно, несколько подозрительно, учитывая то, что они находились довольно близко от того места, где автобус раздавил Анжелу Сен-Врен. Но гораздо менее подозрительно, нежели оставлять тело со смертельной огнестрельной раной.

А вот Ричера в данной ситуации ничто не ограничивало. Он вытащил трофейный пистолет, полученный в схватке с лежащим теперь типом, и обошел машину кругом. Собираясь выстрелить через стекло со стороны пассажирского сиденья. Водитель это заметил и рванул вперед, прямо на середину переуллка. Ричер три раза пальнул в заднее окно. Первый выстрел превратил стекло в густую непрозрачную сетку. Второй опрокинул всю массу разбитого стекла на заднее сиденье. А третий попал куда-то внутрь. Ричер был в этом

уверен. Но точно утверждать, задет ли водитель, он не мог. Или пуля вошла в подголовник над сиденьем. Или в еще какой-нибудь случайный предмет.

Машина остановилась. Секунду стояла на месте. Потом на ней загорелся один из уцелевших поворотных огней. Взвизгнули шины. И «БМВ» резко дал задний ход. Ричер пальнул в авто еще три раза. Все три пули попали в сиденье водителя. Но автомобиль продолжал ехать. Прямо на Ричера. Не замедляя хода. И не сворачивая. Водитель, наверное, спустился на пол. Залез в нишу для ног – если он невысокий и суетливый, такое вполне может быть. Наверное, смотрит в экран видеокамеры заднего вида, чтобы ориентироваться. Ричер поднял ствол, пытаясь сообразить, где установлен объектив камеры. Но сразу же эту мысль отбросил. Нет времени. Он сделал ложное движение влево и тут же бросился вправо. Хотел попытаться еще раз выстрелить через окно со стороны пассажира. Оно уже было совсем близко. И тогда с неприятелем он покончит. Ричер в этом, черт побери, не сомневался.

Водитель резко вильнул вправо. С одной стороны Ричера подпирала стена. Если он двинется в другую сторону, машина его собьет. То же самое, если двинется вперед. Или назад.

Машина быстро приближалась. Заднее крыло уже в нескольких дюймах.

Бежать некуда.

Только вверх. Главное, правильно все рассчитать.

Ричер сунул пистолет за пояс. Выдержал еще долю секунды. Напружинился, взвился, поджав ноги, прямо над багажником машины и резко распрямил обе ноги. Что есть силы. Обе одновременно. Подбросил руки вверх, чтобы еще раз подпрыгнуть. Кончики пальцев коснулись металла. Шероховатого, холодного железа. Это была часть одной из пожарных лестниц. Самой нижней ее секции. В сложенном состоянии, как складные брусья в спортзале. Он ухватился за нее, подтянулся, как на турнике. Крепко сжал пальцы. Сделал мах ногами вверх.

У Ричера почти получилось. Пустая рама заднего окна поддела его носки. Он ощутил мощный толчок. Через лодыжки и колени он прошел по всему телу, включая руки до самых кончиков пальцев. Хватка сразу ослабла. Но лишь немного. Затем Ричер сжал пальцы еще крепче. Он смотрел, как движется вниз капот автомобиля. Выпрямил ноги, готовый прыгнуть вниз, развернуться кругом и сделать еще один выстрел. На этот раз через ветровое стекло. Прямо в переднее отделение кабины. Где водителю будет уже не спрятаться.

Но тут послышался какой-то звук. Откуда-то сверху. Металлический, скрежещущий, стонущий и прерывистый. А потом раздался грохот. Резкий и громкий, словно еще один выстрел. Затем «аккорд» повторился. И еще раз. Это стонала и скрежетала железная конструкция. Кажется, она отрывалась и рушилась. Возможно, под весом Ричера. Помножен-

ного на силу удара об автомобиль. Может быть, потому, что обслуживалась не так хорошо, как это казалось с земли. Вероятно, под слоями блестящей краски скрывались какие-то структурные изъяны. Впрочем, не важно, какова была причина, но стойки, соединяющие секцию лестницы вместе с трапиком и конструкцией следующего уровня, не выдержали. Секция задрожала. Несколько раз ее тряхнуло. Она стала медленно отходить от стенки. На десять градусов. На пятнадцать. На секунду остановилась. На какое-то время конструкция, казалось, обрела устойчивость. Замерла, но уже в новом положении. В наклонном. Под таким углом кронштейны в точках крепления держаться не могли. Они стали постепенно высвобождаться. Со скрипом и визгом, крупно вибрируя, конструкция кренилась все больше, и наконец штыри выдернулись наружу из хрупкого раствора швов кладки.

Ричеру было прекрасно видно, что происходит. Он разжал пальцы и отпустил перекладину. Ноги его коснулись земли. Он успел сделать полшага. И тут на него обрушилась масса металлолома.

Глава 7

О том, что такое закон, первые пятнадцать лет своей жизни Джед Стармер особо не задумывался.

О существовании законов, правящих миром, он, вообще-то, знал. Джед понимал, что они каким-то образом формируют окружающий мир и управляют им, но только в некоем невидимом, неосязаемом, отвлеченном смысле, как, например, земное тяготение или магнитное поле. Он понимал, что в случае нарушения того или иного закона тебя ждут определенные последствия. Расплата. Кара. Или иные неприятные, как правило, дела. Он много раз видел на обочинах шоссе группы людей в оранжевых комбинезонах, которых принудили собирать мусор. Попавшись на каком-нибудь проступке, слушал предостережения приемных родителей, пугавших его детской колонией. Или тюрьмой. В конечном счете даже геенной огненной. Но на Джеда все это большого впечатления не производило. К его жизни, так ему казалось, эти страшилки не имели никакого отношения. Грабить банк он не собирался. Как и угонять чужую машину. Он даже занятия в школе прогуливал не часто. Ему и без того было о чем тревожиться. О делах куда более насущных, как, например, о том, как бы его не выгнали из дому и не заставили жить на улице. Или как не нарваться на нож или пулю, когда придет в голову пойти прогуляться. Но когда Джеду ис-

полнилось пятнадцать лет, взгляды его совершенно изменились. День его рождения выпал на воскресенье, и, пока приемные родители были в церкви, Джед сел в автобус и проехал на нем пять миль в самый центр южной части Лос-Анджелеса, где бывать ему строжайше запрещалось. Последние две сотни ярдов Джед прошел пешком по шербатовому тротуару; он упорно смотрел себе под ноги, отчаянно избегая чужих взглядов и стараясь не слишком показывать свою робость. Так он добрался до истертых ступеней каменной лестницы, ведущей в многоквартирный дом, где жила его родная мать. Вбежал наверх. Толкнул дверь. Замок был сломан, как и прежде, когда в течение двух последних лет он сюда приходил. Джед вошел в подъезд и двинулся вверх по лестнице. Два пролета. Потом длинный коридор. Нажимать на кнопку звонка не было смысла, звонок не работал, поэтому Джед постучал. И стал ждать, надеясь, что мать дома. И не пьяная. Даже надеясь на то, что она помнит, какой это день, или хотя бы узнает его, Джеда. Вышло так, что мать все помнила. И какой это день, и его самого. Она была трезва как стеклышко. И даже одета. Мать, с тлеющей сигаретой в руке, открыла дверь и сквозь шлейф синеватого дыма повела сына по коридору в большую комнату. Ставни здесь были закрыты. Повсюду валялись вещи. Одежда. Обувь. Сумки. Книги. Журналы. Компактные диски. Письма. Счета. Все это лежало отдельными бесформенными кучками, словно кто-то, правда без особой охоты, пытался навести здесь порядок, не имея

никакого понятия, как это делается. Мать постояла немного посреди этого хаоса, вздохнула и жестом пригласила гостя сесть на диван. Джед пробрался к дивану и примостился на самом краешке. Она уселась с другой стороны, раздавила сигарету в пепельнице на стоящем под рукой столике. Пепельница была уже полна окурков. На ковер веером посыпался пепел. Мать снова вздохнула и повернулась к Джеду. Сказала, что поджидала его. Подарка ему, конечно, не приготовила, но приходу его рада, потому что ей нужно ему кое-что сообщить. Если точнее, у нее есть для него две новости.

Во-первых, она очень больна. У нее рак поджелудочной железы. Четвертой стадии. Джед в строении человеческого организма разбирался не очень. Что такое поджелудочная железа и зачем она человеку нужна, он не знал. Не знал и того, что означает четвертая стадия. Но по слезам в глазах матери понял, что дело дрянь. Значит, жить ей оставалось не так-то долго. Возможно, счет идет на месяцы. А может, даже на недели. Не дольше, это точно.

Второе сообщение касалось его отца. Мать хотела, чтобы сын узнал о нем правду. Или хотя бы то, что она считала правдой.

Первая новость отозвалась в душе Джеда чувством вины. Совершенно для него неожиданно. Джед не раз замечал, что, узнав о скорой кончине близкого родственника, люди обычно сильно расстраиваются. Но вот когда до него самого до-

шел смысл сказанного, он вдруг понял, что совсем не опечалился. Не почувствовал себя несчастным, ни капельки. Напротив, на душе стало даже легче. А он понимал, что это нехорошо. Но поделать с собой ничего не мог. У него всегда было такое чувство, будто всю свою жизнь он плыл против течения, и притом с каким-то грузом вокруг пояса. И в результате ощущал постоянную тревогу. Его мучил страх, что когда-нибудь к ним в дом вдруг явится полиция. И сообщит что-нибудь ужасное про его мать. Что она умерла от передоза, например. Или что ее зверски убили. Или она умерла, и ее полуразложившееся тело нашли в какой-нибудь грязной трущобе. И ему надо поехать на опознание. Или того хуже: вдруг мать сама заявится к ним на порог. В самом непотребном виде. Приемные родители всячески осуждали мать Джеда. Решительно и строго. И своего мнения нисколько не скрывали. Постоянно ему об этом напоминали. При каждой возможности. А ему меньше всего на свете хотелось всю жизнь ощущать вину при мысли о ней. Но теперь можно освободиться от чувства постоянной тревоги. Теперь он знает, какой конец ждет его мать. И когда. Связующая их нить скоро прервется. Наконец-то он сможет плыть дальше свободно.

Вторая новость, которую поведала Джеду мать, подействовала на него совершенно иначе. Слова матери явились для него лучиком света, озарившим тот уголок его прошлого, который прежде для него скрывался во мраке. Они четко обозначили связь между его жизнью и законом. Связь, кото-

рой он прежде не знал и не видел. Эта связь носила очень личностный характер. И определила все его дальнейшее существование. Породила в его душе совершенно новое отношение к жизни. Решимость никогда не нарушать закон. Разорвать порочный круг. Не дать возможности злему року вмешаться и в его жизнь тоже.

Ровно две недели эта решимость зрела, согревая душу Джеда. А потом дала росток, тем самым приняв качественно новую форму. Когда его приемные родители вновь отправились в церковь на воскресную службу, он засел за компьютер. Сначала, основываясь на информации, полученной им в день рождения от матери о своем отце, он искал его имя в «Гугле». В результате вышел в новостном сайте на одну статью. Длинный и сложный рассказ о событиях, которые разворачивались в течение многих лет. Джек внимательно все прочитал. Отметил каждую важную подробность. Каждое противоречие. А когда закончил читать, ему стало казаться, что у него в голове вспыхнул мощный прожектор. Миллион ватт поистине ослепительного откровения. По сравнению с этим все, что рассказала ему мать, стало казаться до смешного бледненьким. Словно важнейшие места во всей истории она освещала тусклой свечечкой. Какое там свечечкой – простым ночным светлячком. Она совершенно упустила и не поняла суть происходившего. Теперь уже Джек осознал не просто силу закона. Но и опасность, которую несет с собой закон.

Свет, дарованный Джеду этим новым знанием, не просто пролился на его прошлое. Он также осветил ему будущее, показал, что надо делать. То есть прежде всего покинуть дом и своих приемных родителей. А потом и Калифорнию вообще.

В течение двух дней Джек составлял план действий. Наводил справки. Собирался с духом. Вот почему в то самое время, когда Ричер свернул в переулок в городишке Джеррардсвилл, штат Колорадо, Джек стоял перед комодом в спальне своих приемных родителей. Верхний ящик комода был открыт. Изношенное, растянутое нижнее белье приемной матери было сдвинуто в сторону. Под ним лежала пачка двадцатидолларовых купюр. Теперь перед Джеком стоял трудный выбор. Деньги эти были ему очень нужны. Позарез. Но красть их ему не хотелось. Страшно не хотелось преступать закон. И Джек пытался убедить себя в том, что, если он возьмет эти деньги, кражей это считаться не будет. Эти деньги уже украдены. Ведь, по сути, так оно и есть. Эти деньги выделило государство, чтобы оплатить расходы приемных родителей на его пропитание, одежду и крышу над головой. Его и еще троих приемных детишек, вместе с которыми он жил в этом доме. Но денежки эти не тратились, все лежали здесь целехонькие, поскольку одежда передавалась от старших младшим, а спать они каждый вечер ложились голодными.

Главным в этой ситуации было то, что Джеку очень не хо-

телось совершать преступление. Но и голодать тоже не хотелось. А также больше чем через полстраны добираться до места на попутках. Поэтому, хотел он чего-то или не хотел, три пункта оставались бесспорными. Путь предстоит длинный. Времени у него в обрез. И ни в коем случае нельзя опоздать, позволить себе этого он не может.

Глава 8

Когда Ричер пришел в себя, в ушах у него стоял страшный звон. Жутко болела ушибленная голова. Грудь придавило железной перекладной, и было трудно дышать. Он почти сразу сообразил, что именно пригвоздило его к земле. Потом прошло еще пять минут, пока он, извиваясь всем телом, отчаянно раскачивая и толкая тяжелое железо, сумел выкарабкаться на свободу.

А в переулке, в самом начале его, уже собралась небольшая толпа. Некоторых Ричер даже узнал. Тех самых зевак, что глазели на автобус, сбивший насмерть Анжелу Сен-Врен. К убийству интерес у них успел остыть, и они решили, что происшествие в переулке окажется более любопытным. Ну да, куда занятнее смотреть, чем участвовать. И только когда Ричер почти выбрался из-под железа, парочка молодых людей поспешила к нему, протягивая руки и якобы предлагая помощь.

Ричер оттолкнул обоих.

– Ну как, старина, ты в порядке? – решился задать вопрос один из них.

Отвечать ему Ричер не стал.

– Понимаешь, нам показалось, что кто-то стреляет, – продолжил парень и передернул плечами. – А тут выходит, просто железная штукавина обрушилась.

Ричер отдышался как следует, дождался, когда толпа разойдется, и внимательно осмотрел переулок вокруг места происшествия. На тротуаре остались отпечатки автомобильных шин. В двух местах на стене – следы краски. В ближайшем мусорном контейнере – вмятина. Везде осколки битого стекла. Пистолета не оказалось. А также тех типов в капюшонах. И машины. И пакета для мусора. С дамской сумкой. И с конвертом.

Аварийные службы прибыли, когда Ричер уже вышел обратно на улицу. Дорожное движение по всем направлениям было перекрыто четырьмя парами патрульных машин с мигающими огнями, поставленных друг к другу под углом в виде буквы V. Рядом с автобусом, где лежало тело Анжелы Сен-Врен, натянули тент. Скорее не из-за жаркого солнца, а для того, чтобы скрыть место трагедии от вездесущих телевизионщиков на вертолетах и журналюг с длиннофокусными камерами, подумал Ричер. Что явилось причиной гибели этой женщины, большим секретом ни для кого не было. Со всем другое дело, *кто* ее убил. А также *зачем*.

Четверо полицейских уже опрашивали последних свидетелей из толпы. Ричер продолжал наблюдать за происходящим, когда вдруг заметил, как позади автобуса, выйдя из-за него, появился какой-то человек в костюме. На руках его были нитриловые перчатки, а в левой он держал небольшой черный блокнот. Ричеру сразу пришло в голову, что, раз уж

на место, казалось бы, рядового дорожного происшествия прислали сотрудника уголовного розыска, становится кое-что ясно об уровне преступности в городе. Впрочем, ему, Ричеру, это было на руку. Не придется тратить время на поиски полицейского участка.

На вид сыскарю было где-то чуть-чуть за тридцать. Ростом футов шесть, не больше, в хорошей спортивной форме. Короткая стрижка. Брюки с острыми стрелками спереди и сзади. Тщательно отутюженная рубашка. Аккуратно повязанный галстук. И до зеркального блеска начищенные ботинки.

Следователь, видно, почувствовал на себе взгляд Ричера, подошел и протянул руку.

– Детектив Хэрвуд, – представился он. – Хотите о чем-то спросить?

Ричер изложил все, что своими глазами видел на перекрестке и что случилось потом в переулке. Рассказывал не торопясь, для удобства восприятия разбивая всю информацию на отдельные порции. Хэрвуд все тщательно записал в блокнот. Ничего не пропустил. Выводов никаких делать не стал. Неуместных вопросов про адрес проживания Ричера и род занятий не задавал.

Когда они покончили с формальностями, Ричер взял визитную карточку Хэрвуда и пообещал позвонить в случае, если вспомнит еще какие-нибудь подробности. И ушел. Теперь он был уверен, что это дело в надежных руках. Он подумал было, не поймать ли попутку да уехать из города, но по-

том отложил это намерение. Голова раскалывалась. Все тело болело, ни согнуться, ни разогнуться. И он решил, что сейчас было бы лучше как следует выспаться. Быстрее все заживет. Правда, было еще кое-что. Могут вернуться ребята в серых капюшонах. Прежде всего, им придется поменять автомобиль, это обязательно. Потом, вероятно, надо будет кому-то передать конверт. Или надежно его спрятать. А уж после они начнут беспокоиться о том, что у них остался свидетель. И захотят принять меры на этот счет.

Ричер очень надеялся на то, что они попытаются это сделать.

Городишко оказался совсем небольшим. Весь день Ричер старался маячить у всех на виду, насколько это было возможно. Лениво бродил по улицам, разглядывал витрины магазинов, перебегал дорогу, сидел, попивая кофе, за уличными столиками кафе. Сначала ему даже нравилось: довольно приятный способ убить время. В центре города было много пешеходных парковых зон и других мест для приятных прогулок и отдыха. Местное население, похоже, состояло в основном из студентов, молодых родителей с детскими колясками, пижонов, щеголяющих брюками в обтяжку, и молодых специалистов в подчеркнуто повседневных костюмах. Но чем дольше продолжалась эта ловля на живца, тем больше нарастало недовольство Ричера этим занятием. Пришлось смотреть правде в глаза. Рыба на него почему-то не клевала. То-

гда он бросил эту затею и двинул на юг, за город, в сторону парочки отелей, которые приметил накануне.

Но, как выяснилось, Ричер ошибался. Он понял это, едва прошел два квартала. За ним явно кто-то следил. Кто-то не спускал с него глаз. Он чувал это нутром. По затылку вдруг пробежал холодок. Первичная, животная реакция. Этаким механизм предупреждения об опасности, жестко встроенный в его мозжечок, который у человека удивительно похож на мозг рептилии. С тончайшей настройкой. Высочайшей надежности. Не обращать внимания на такие сигналы ни в коем случае нельзя.

Ричер сразу же остановился, перед первым попавшимся на пути магазином. В нем продавались шоколадные конфеты в ярких разноцветных коробках. Он стоял и разглядывал витрину. Но видел в ней не старинные жестяные банки для конфет и не высоченные горки трюфелей. А отражающуюся в стекле улицу.

Вот мимо проехал черный грузовик с высокой подвеской и хромированными колесами. Пассажирское сиденье в кабине пустовало. На Ричера водитель не обратил никакого внимания. Следующим был серебристый джип с двумя байдарками на крыше; бок его был забрызган грязью красноватого цвета. Водитель пристально смотрел в хвост черному грузовику. Потом появился белый седан. «Тойота-королла».

В памяти Ричера что-то блеснуло. Кажется, эту машину

он где-то видел. Но до конца уверен в этом не был. Авто данной марки очень популярны, их везде полно. Вот машина подкатила поближе. Холодок в затылке ощущался все отчетливее. На сиденье рядом с водителем сидел пассажир. На вид лет двадцати пяти или чуть старше. Жилистый. Волосы коротко подстрижены. В синей футболке. Как две капли воды похожий на того типа, который толкнул Анжелу Сен-Врен под колеса автобуса, только физиономия девственно-чиста. Он смотрел на Ричера. Сомневаться в этом не приходилось. Не сводил глаз с него все время, пока машина проезжала мимо, потом покосился в телефон и оглянулся на Джека через плечо.

Ричер зашагал дальше. В конце следующего квартала «королла» свернула направо. Ричер представил себе, как она снова сворачивает направо. И еще раз направо. Прикинул, сколько на это уйдет времени. Потом перешел через улицу. Это дало ему повод, не возбуждая подозрений о том, что он о чем-то догадывается, посмотреть в противоположную сторону. «Королла» ждала на предыдущем перекрестке. Ричер продолжал идти дальше. Не торопясь. Но и не слишком медленно. Не совершая ничего такого, чтобы никто не мог подумать: ага, он знает, что за ним следует машина. Ричер подошел к следующему переулку и свернул туда. Почти в такой же он загнал того типа после убийства. Чистенький такой переулочек. Опрятный. С шеренгой мусорных баков. С пожарными лестницами на домах, с виду исправными. Но было

здесь также одно, и довольно большое, отличие. Вплотную к стене левого здания стояла строительная вышка, как раз там, где под крышей отсутствовала часть водосточного желоба.

«Королла» мимо переулка не проезжала.

Ричер прижался спиной к стене и осторожно двинулся к уличной панели. Увидел передок белого автомобиля, который остановился у тротуара достаточно далеко от поворота в переулок – видимо, чтобы не вызывать подозрений. Тогда Ричер двинулся вдоль стены в противоположную сторону, к строительной вышке. Металлические стойки ее соединялись кронштейнами, скрепленными с помощью болтов. Очень прочными. Стронуть их с места было невозможно. Разве что при наличии инструмента. Но и с ним не так-то быстро получится. Тогда он попробовал уложенные на нижний этаж конструкции деревянные доски. Срединная доска оказалась незакрепленной. Он подцепил ее. Вынул. Понес к улице. Машина стояла почти напротив. Ричер очень надеялся на нетерпеливость ребят, которые шли по его следу. Надеялся, что им наскучит ждать, когда он снова появится. Им очень захочется подстегнуть ход событий. И они вырулят в переулок, как это сделал раньше тот тип в «БМВ». А Ричер тогда бросится вперед и доской пробьет насквозь ветровое стекло. Доска ударит водителя в грудь. Переломает ему ребра. А может, и в голову попадет. Оторвет ее с плеч долой. И какое-то время тот, кто сидит рядом с водителем, останется с Ричером один на один.

«Королла» не двигалась.

Прошло десять минут. Двадцать. Полчаса.

«Королла» стояла.

Ричер был терпелив. Он мог переждать кого угодно. Искусство ожидания он освоил еще на службе в армии. И отточил за последующие годы. Но Ричер смотрел на вещи реально. Он понимал, что бывает, когда некоторые прогнозируемые события так и не происходят, сколько бы ты ни ждал. Человек из «короллы» заглянул в свой мобильник. Следовательно, там была фотография Ричера или хотя бы словесное описание. Полученное от тех людей, с которыми он встречался ранее. Они могли также объяснить, что с ними случилось при этой встрече. Возможно даже, все четверо собрались, чтобы обсудить план дальнейших действий. И нынешняя парочка могла увидеть результат своими глазами. Так что они вполне могли осторожничать. Оказались достаточно сообразительными, чтобы дождаться более удобного момента и только тогда сделать свой ход.

Или выбрать более безопасное для этого место.

Ричера это вполне устраивало. Терпения у него хватит. Он отнес доску обратно к лесам и вставил на место. Затем преспокойно вышел из переулочка на улицу и как ни в чем не бывало продолжил свой путь.

Один из отелей на окраине города выглядел довольно новеньким. Он принадлежал к гостиничной сети, поэтому был

безымянным и неприметным, а это Ричеру обычно нравилось. Другой отель стоял на противоположной стороне главной улицы. Построен был, должно быть, в тридцатые годы прошлого века – длинный, приземистый, с плоской крышей. Снаружи стены были оштукатурены и покрашены в розовый цвет. В отеле имелось двенадцать комнат, дверь каждой пронумерована, все номера забраны в зеркальную рамочку в стиле ар-деко. Офис администрации располагался в самом конце коридора, если идти от города. Над крышей поднимался шест. На самом верху шеста закреплена фигурка. Неоновый стилизованный ананас в платице желтого и бирюзового цвета. С дикой ухмылкой на лице. Непонятно было, дружелюбно он тебе улыбается или демонически скалится.

Ричер принял решение в пользу «Ананаса». Он по личному опыту знал, что небольшие и независимые заведения подобного типа гораздо больше соответствуют его потребностям. В таких отелях особо не придирались к просроченным удостоверениям личности, реже настаивали на том, чтобы клиент платил только кредитной картой. Ричер направился к ресепшену и оказался в окружении зеркал, неоновых ламп и изображений в стиле ар-деко. Стойка регистрации тоже была ими украшена. Откуда-то из дальнего угла появился человек. Худощавый. Явно по причине какой-то болезни. Волосы местами с сединой, поэтому точно определить его возраст было затруднительно. На нем была рубаша, разрисованная попугаями и пальмами. Бирюзовый цвет шортов, меш-

ковато сидящих на его усохших бедрах, был столь ярким, что бледные ноги казались синими.

Доходяга предложил Ричеру номер за шестьдесят долларов в сутки. Ричер выступил со встречным предложением: восемьдесят наличными за номер, но с условием, что в номерах по обе стороны от него никто не будет поселен. Тот радостно согласился. Двадцать долларов сунул себе в карман, вручил Ричеру ключ от двенадцатого номера и подвинул к новоиспеченному постояльцу толстый журнал и ручку, чтобы тот расписался. Ричер нацарапал имя, поставил подпись, проследовал по длинному коридору почти до торца и вошел в свой номер. Там стояла кровать. Стенной шкаф. Стул. Имелся туалет с душем. Словом, стандартный набор. Фруктовая тема в названии отеля на внутреннюю часть здания не распространялась. Номер был немного обшарпанный, но Ричер ничего против этого не имел. Еще десять минут у него горел свет, потом он его погасил и рухнул на кровать.

Глава 9

Сначала надо купить билет, подумал Джед Стармер, а потом уже перекусить.

Джеда вряд ли можно было назвать опытным путешественником. Он лишь второй раз в жизни покидал административный округ Лос-Анджелес с тех пор, как мать привезла его сюда, когда он был еще грудным ребенком. Теперь же он уезжал отсюда навсегда, и пока ощущения были не из приятных. Вещи в дорогу пришлось собирать самому, а это оказалось не так-то просто, поскольку у него не было ни чемодана, ни даже спортивной сумки. А стащить потихоньку у приемных родителей или у кого-то из других приемных детей, с которыми он жил, ему не хотелось, поскольку это было все равно что украсть. И купить поблизости не удалось бы, поскольку магазины такие по соседству отсутствовали. И он сделал то единственное, что пришло ему в голову. Взял свой школьный рюкзачок, открыл его и весь школьный хлам выбросил в мусорный бак. А в рюкзак уложил одежду. Все самое основное, что попало под руку, и ровно столько, сколько влезло. Подумал и прихватил из ванной, сунув в карман, зубную щетку. В последний раз оглянулся. Он ненавидел этот дом с той самой секунды, как переступил его порог. Каждую минуту, проведенную здесь, он был бесконечно несчастен. А теперь этот дом представлялся ему самым теп-

лым и гостеприимным местом в мире.

Никогда больше он его не увидит.

Теперь перед Джедом встала очередная задача: сесть в автобус. Время шло, а тот все не появлялся, хотя по расписанию давно должен был прибыть. Но Джеда беспокоило не это. Времени у него было хоть отбавляй. Проблема заключалась в том, что он стоял тут на виду у всех. А его приемная мать по вторникам возвращалась с работы довольно рано. И машина ее всегда проезжала как раз по той улице, где располагалась автобусная остановка. Джеда на ней было видно со всех сторон. И мать обязательно его заметит. Если она сцапает его и обнаружит в кармане кучу ее собственных, как она считает, денег, страшно подумать, какие его ждут последствия.

Прошло десять минут. Двадцать. Никаких признаков общественного транспорта. Машина приемной матери тоже не появлялась. Протикало еще пять минут. Она приедет уже совсем скоро. Наверное, где-то близко. Надо что-то делать. Надо срочно искать, где укрыться. Все равно где – главное, спрятаться, как только вдали замаячит знакомое авто. Наконец послышался сиплый звук мотора, и на улице показался автобус. Он неторопливо подъехал к остановке и встал рядом с Джедом. Техническое состояние этой развалюхи вызвало серьезные опасения, но Джек не мог позволить себе ждать следующего. Иначе случится нечто непоправимое. Он забрался в салон, заплатил, сколько нужно, прошел в заднюю

часть салона и весь длинный, с частыми остановками путь до угла улиц Седьмой и Декейтер старался не привлекать к себе внимания.

Джед выскочил из автобуса; перед ним, прямо через улицу, находился вокзал автобусов дальнего следования. Как хорошо, что он оказался совсем рядом. А вот район ему понравился не очень. Точнее, совсем не понравился. Всего в паре кварталов от Скид-Роу⁴ – места притонов и ночлежек. Джед много о нем слышал. Даже видел этот район в кино. По тротуару здесь слонялись какие-то подозрительные люди. Очень худые на вид. Многие с сигаретой во рту. И все на него пялились. Глаза у всех как у шакалов, подумал он. Или гиен. Смотрят на него как на потенциальную жертву. На стоянке автомобилей перед вокзалом еще одна группа людей. Эти немного постарше. И лица у них более приветливые. Джед опустил глаза. Осторожно проскользнул между обеими группами и двинулся туда, где был обозначен вход в здание автовокзала.

Стоило только Джеду зайти внутрь, настроение сразу поднялось. Просторный зал, много света. В билетную кассу выстроилась очередь, ожидающие своих рейсов в разных позах расположились на сиденьях из синей проволоки, и ни один из них не удостоил Джеда даже беглым взглядом. Он по сте-

⁴ Скид-Роу – район бедноты в Лос-Анджелесе; в городах США такое название носит любой район, где проживают бездомные.

ночке прошел туда, где выстроилась шеренга автоматов самообслуживания. Тот, что выбрал Джед, обслуживать его не спешил. Экран его был вымазан какой-то маслянистой жидкостью, но Джед все же смог сориентироваться, найти название пункта прибытия и выбрать категорию обслуживания. Отсчитал из пачки, взятой в доме приемных родителей, десять купюр по двадцать долларов и одну за другой стал совать в щель приемника. Добавил четыре четвертака из собственных. Испугался было, когда автомат вдруг замер. И облегченно вздохнул, когда из другой щели вылез наконец краешек билета.

Не обратив внимания на торговые автоматы, Джед двинулся прямо к линии раздачи в столовой. Просмотрел меню. Вдруг почувствовал, что очень проголодался. Он был бы не прочь заказать и съесть все, что тут предлагалось. Сейчас он в первые в жизни сядет за столик и будет принимать пищу, как всякий свободный, независимый гражданин; у него даже возникло чувство, что он заслужил возможность немного кутнуть. Выбор блюд здесь примерно тот же, что и в «Макдоналдсе», насколько Джед мог припомнить. С тех пор как он в последний раз пробовал фастфуд, прошло довольно много времени. Приемная мать не очень-то его этим баловала. Точнее, ей не очень нравилось раскошеливаться. Впрочем, что именно ей там не нравилось, он не знал. Но в любом случае теперь это не имело никакого значения. Ему больше не придется беспокоиться о том, что ей нравится, а что нет. Но

вот о том, чтобы иметь в запасе наличные денежки, беспокоиться ему ой как придется.

В конце концов Джед забрал весь тайный запас денег из комода своей приемной матери. Когда пришел к умозаключению, что не делать этого было бы нелогично. Одно из двух: либо на эти деньги он имеет право и оставлять их было бы глупо. Либо крадет – и в этом случае, как ни крути, выносит себе приговор. После покупки билета у Джеда осталось триста долларов. С ночлегом сейчас проблем не будет. Как и в следующую ночь. Он будет ехать в автобусе. И выспится в нем. Выбора все равно нет. Но вот в четверг надо будет искать ночлег. Может быть, в отеле или в заведении типа «ночлег и завтрак». Наверное, это дорого. И в дороге надо что-то есть и пить. А в пятницу утром надо будет ехать дальше. Тоже довольно долго. Джед еще не знал, на чем он поедет. Он надеялся, что найдет какую-нибудь попутную машину и заплатит водителю. Если нет, придется взять такси. Словом, платить придется в любом случае. Возможно, много. Поэтому он решил действовать благоразумно. Заказал бургер, жареную картошку и бутылку воды в дорогу. Заплатил купюрой в десять долларов, из своих. Билет сунул в задний карман. Остальные деньги – в другой. Подождал, пока ему принесут заказ.

С едой Джед справился за пять минут. Потом минут двадцать смотрел телевизор без звука, но с субтитрами. Их тут было два. По одному показывали новости. По другому

шла спортивная программа. И то и другое его мало интересовало. Но делать-то все равно было нечего. Он прикинул, что за полчаса до отправления автобуса успеет найти место посадки и сесть в автобус пораньше, чтобы занять хорошее местечко. Когда пришло время, он отнес поднос на стойку рядом с переполненным мусорным баком, ненадолго заглянул в туалет. Когда вышел, увидел стоящего возле стены парнишку, который махал кому-то рукой. Джед узнал его. Он стоял за ним в очереди к стойке раздачи. Ел тоже в одиночестве в паре столиков от него. Джед хотел пройти мимо, но вдруг понял, что парень машет не кому-нибудь, а именно ему.

Сначала Джеду показалось, что они с ним примерно одноклассники, но, когда парень подошел ближе, понял, что тот будет постарше. Ему наверняка было уже лет двадцать, а то и двадцать один. Худой, загорелый, с копной нечесаных светлых и хрустких от соли волос, какие бывают у любителей серфинга.

– Слышь, дружище, – сказал парень, протягивая руку, в которой он что-то держал – кажется, билет на автобус. – Держи, это твой билет. Ты обронил его.

Нет, этого быть не может, подумал Джед. Он помнил, что постарался понадежнее уложить билет в карман. Он был в этом совершенно уверен. Джед похлопал по карману, чтобы убедиться в этом. И сердце его замерло. В кармане было пусто. Билет куда-то пропал. Он проверил другой карман. Где должны лежать деньги. Вся его наличность... слава бо-

гу, она оказалась на месте. Все в порядке. Никаких проблем. Но прошло еще целое мгновение, прежде чем он вздохнул свободно.

Блондин заглянул в билет Джеда:

– Маршрут тысяча четыреста пятьдесят четыре? Здорово.

У меня тоже.

– Спасибо тебе, – поблагодарил Джек и дрожащей рукой взял билет. – И как это я потерял его? Самому не верится даже.

– Да не за что. Со мной и не такое бывало. Так ты, значит, тоже в Даллас едешь?

– Нет, – помотал головой Джек, – у меня там пересадка.

– Двинешь дальше?

– Ну да, – кивнул Джек. – В Джексон, штат Миссисипи.

– Далековато. К родственникам?

– У меня нет родственников.

– Ты серьезно? Никого?

Джек решил ответить честно. Не хотелось врать. Но и вдаваться в подробности тоже не хотелось. Тем более с незнакомцем. Не время еще.

– Никого, – сказал он. – Я живу один.

– И родителей нет?

– Отца я даже ни разу не видел. А мать умерла от рака.

– Жесть. И что, ни братьев, ни сестер? Дядей, там, тетей?

– Нет.

– И к кому же ты тогда едешь так далеко?

– Ни к кому. А почему ты спрашиваешь?

– Да вижу, туговато тебе приходится в жизни, парень, если ты в целом свете остался один. Мне очень жаль...

– Да я уже привык, – пожал плечами Джед.

– А знаешь что? Давай поедем вместе? Хотя бы до Техаса?

Вдвоем будет веселей.

– Ну ладно, – снова пожал плечами Джед. – Если тебе так хочется.

– Ты ведь в первый раз едешь на междугороднем?

Джед кивнул.

Блондин положил руку на плечо Джеда, притянул его к себе и понизил голос до шепота:

– Сейчас я тебя кое о чем спрошу. Это очень важно. Так что слушай внимательно. У тебя из вещей только рюкзак? Только вот этот рюкзачок за спиной? Скажи, что-нибудь ценное в нем есть? Ноутбук, например? Или планшет? Еще что-нибудь типа этого?

– Нет. Ничего такого нет.

– Это хорошо. Очень хорошо. Дорога – место небезопасное. Но все равно никогда не оставляй рюкзак без присмотра. Нигде. Если водитель скажет, что надо положить его в багаж, не соглашайся. Когда будешь спать, продень руку сквозь лямку. Ты меня понял?

– Понял.

– Отлично. Я пока сбегая в туалет, надо отлить. А ты иди к автобусу. Через дверь налево. Шагай до самого конца. Сто-

янка шестнадцатая. Займи два места. Где-нибудь посередине, между колесами, если получится. Там меньше трясет. Через минутку я догоню.

Джед отыскал свой автобус, поднялся в салон, показал водителю билет и пошел по проходу. Больше половины мест было уже занято. Все пассажиры были старше Джеда. Некоторые на три-четыре года. Другим было лет шестьдесят-семьдесят. Одни ехали в одиночку. Другие парами. Или даже группами. Многие с наушниками. Кое-кто прихватил даже подушку. А несколько человек – и одеяло. У большинства было взято что-то с собой, чтобы не скучать в дороге: книги, наушники или компьютеры. А вот Джед к дальней поездке оказался ужасно неподготовленным. Ему вдруг захотелось повернуться и выскочить из автобуса. Броситься обратно, прибежать в дом своих приемных родителей. Сделать вид, что он и не собирался никуда бежать. Забыть обо всем, что рассказала ему родная мать. Но он взял себя в руки, прошел дальше и, увидев первую свободную пару кресел, занял ее. Сдвинулся к окошку. Рюкзачок устроил у себя на коленях. Прижал к груди. И стал слушать рокот мотора. Шипение вентилятора. Приглушенное бормотание голосов вокруг. В автобусе пахло дезинфицирующими средствами, едой – кое-кто из пассажиров уже решил перекусить. Надо настроиться на то, что все будет хорошо. Главное, взять себя в руки до того, как в автобус войдет его новый знакомый, блондин. Что-

бы больше не пришлось перед ним смущаться, как прежде.

За две минуты до отправления передняя дверь автобуса с шипением закрылась. Джед хотел тут же встать. Окликнуть водителя. Сказать, что одного пассажира не хватает. Что его нужно подождать. Но не издал ни звука. Замер. И снова сел. Переложил рюкзачок на соседнее кресло. До Далласа больше тридцати шести часов езды. Он даже не знал, как этого парня зовут. Какой-то случайный попутчик, не более того. Он, конечно, благодарен ему за билет. Но очень не хотел, чтобы целые сутки с половиной ему задавали вопросы, пичкали своими идиотскими мнениями и тупыми советами до самой пересадки на следующий автобус. Он был очень рад, что остался один.

Хотя бы до пятницы, до десяти утра.

Будет ли он один после этого – совершенно другой вопрос.

Глава 10

Механизм замка щелкнул и что-то тихонько проверещал. Дверь в номер Ричера тихонько распахнулась. На аляповатый ковер упал прямоугольник света. В комнату бесшумно прокрались двое. Оба молодые, лет по двадцать пять. Оба с пистолетами в руках. Один, стараясь не шуметь, вернул дверь в прежнее положение. Пару секунд они стояли на месте. Потом двинулись к кровати. В темноте ее было почти не видно. Тусклый свет с улицы с трудом пробивался сквозь тонкие шторы. Но под одеялом можно было разобрать очертания человеческой фигуры. Очевидно, высокой и очень крупной. Как раз то, что они и ожидали увидеть.

Вошедшие зашли с двух сторон кровати. Приблизились к изголовью. Несмотря на теплую ночь, спящий укрылся с головой. Человек, стоявший со стороны окна, пожал плечами, потом ткнул стволом пистолета туда, где, по его мнению, находилось плечо Ричера.

Ответа не последовало.

Парень ткнул еще раз. Сильнее.

– Эй, ты... Просыпайся.

Лампочка под потолком вдруг зажглась. Парни резко развернулись. Увидели, что Ричер стоит в другом конце комнаты. Потом он открыл дверь и шагнул в коридор. Метнулся в сторону и прижался спиной в стене.

Парни бросились вслед. Как только нога первого ступила в коридор, Ричер с размаху вмазал ему по морде предплечьем. И вдребезги разбил ему нос. Голова парня откинулась. Он рухнул в дверной проем прямо на грудь своего приятеля и сбил того с ног. Ричер подобрал с пола пистолет и вошел в комнату.

Первый из незваных гостей лежал на пороге без движения. Второй перекатился на бок и пытался дотянуться до пистолета, который при падении выпал и у него. Ричер наступил ему на руку. Парень заверещал и свернулся калачиком. Ричер схватил первого за руку, втащил его в комнату и закрыл за собой дверь.

Кто-то забарабанил в стену.

– Эй! Двенадцатый номер! – проорал мужской голос. – Хватит шуметь!

Ричер подождал, когда успокоится второй.

– Встань! – приказал он. – Сядь на стул, если хочешь. Поговорим как интеллигентные люди.

Отталкиваясь от пола пятками, парень на заднице отполз к стенке.

– Сегодня я уже имел удовольствие встретиться с двумя твоими дружками. Здесь, в этом городе. В одном переулочке. Интересно, где они сейчас?

Парень молчал.

– И еще интересно, – продолжил Ричер, – зачем один из них утром убил женщину? Толкнул ее под автобус.

Парень упорно молчал.

Ричер подошел к нему ближе и наступил на другую его руку. Тот снова заверещал от боли, на этот раз еще громче, и опять скорчился, повернувшись другим боком.

В стену снова застучали.

– Номер двенадцать! – опять заорал мужской голос. – Уймись вы там! Предупреждаю в последний раз!

Ричер дождался, когда парень немного расправит члены.

– На кого ты работаешь? – спросил он.

Парень помотал головой. Ричер топнул подошвой ему по правому колену. Тот завизжал, громко и долго.

– Я могу продолжать так до самого утра. Я задал тебе вопрос про тех двоих. Где они сейчас?

– Уехали из города, – ответил парень.

– И куда отправились?

– Домой. В штат Миссисипи, город Уинсон.

– А ты почему остался?

– Нам приказали найти тебя.

– Зачем?

– Узнать, что тебе известно.

– О чем?

Свет, который сочился сквозь шторы, вдруг из тускло-серого превратился в пульсирующий: то красный, то синий. Ричер осторожно выглянул в окно. На стоянке виднелись две полицейские машины. Одна стояла прямо напротив его окна. Другая в дальнем конце. Полицейский уже вышел и на-

правлялся к входной двери. Видно, хотел побеседовать с дежурным администратором на ресепшене. Про номера в отеле и их расположение. А заодно взять у него ключи для доступа в каждый номер. Все эти действия не займут много времени. Ричер прикинул и понял, что у него остается не более шестидесяти секунд. Он схватил первого парня, рывком поднял на ноги, развернул и прислонил спиной к двери. Двинул кулаком ему в скулу, отпустил, и тот снова повалился на пол. Ричер ущипнул парня за мочку уха, убедился, что тот без сознания. Подтащил ко второму, уложил так, чтобы ноги первого почти касались ног второго. Они лежали под углом друг к другу, как стрелки часов, которые показывают три часа пополудни. Ричер стер свои отпечатки с пистолета первого парня и бросил его на пол. Отправился в туалет. Открыл окошко. И выбрался наружу.

Территория позади отеля больших надежд ему не сулила. Там имелся небольшой бассейн, несколько шезлонгов из белой пластмассы, и все это опоясывал шаткий деревянный заборчик. Восемь футов в высоту. Очень старый. Вряд ли выдержит его вес, это точно. Единственный выход оставался через ресепшен, а в любую секунду с другой стороны может появиться свора копов. Двое спереди. Двое сзади. Это как дважды два, иначе не бывает. Он попал в ловушку. И спрятаться здесь негде. Во всяком случае, на уровне земли.

Ричер вернулся к окошку туалета и поставил ногу на подоконник. Оттолкнулся и ухватился за край крыши. Подтя-

нулся. Вскарabкался на край. Перекатился на середину. Затих и остался лежать неподвижно. Внизу с обеих сторон здания слышались шаги. Уже совсем близко. Вот шаги спеша затихли. Кто-то двинул ногой в дверь.

– Полиция города Джеррардсвилл! – раздался голос. – Откройте!

Полицейские, что вышли во дворик, уже обшаривали мебель вокруг бассейна. Один из них взял шезлонг и поставил его возле забора. Встал на него, заглянул через забор, пошарил лучом фонарика с той стороны. Ничего подозрительного не заметил и прыгнул обратно.

– Чисто, – сказал он.

До слуха Ричера донеслись звуки возни с замком, глухой удар, – видимо, распахнувшаяся дверь ударилась о подошвы одного из лежащих в отрубе ребят. Потом наступила пауза, дверь закрылась, и из окошка туалета слышался голос. Кажется, кто-то говорил там по рации:

– У нас двое подозреваемых. На вопросы пока отвечать не могут. На месте преступления обнаружено два пистолета.

– Похоже, они из-за чего-то сцепились друг с другом, – прозвучал второй голос. – И сцепились довольно крепко. Удостоверений личности не обнаружено. Запаха спиртного тоже. Транспорт лучше прислать немедленно.

– Надо отправить их на ночь в больницу, – уже гораздо тише проговорил первый голос. – Если следователь захочет их допросить, это можно сделать и утром. А номер на всякий

случай лучше опечатать.

С крыши Ричеру было видно, как подъехала «скорая помощь». Санитары вывезли на каталках двух лежащих без сознания парней, погрузили их в машину и уехали. Через пару минут отбыли и копы. Ричер оставался на месте еще час, пока полностью не убедился в том, что ни полицейских, ни шныряющих любопытных постояльцев поблизости нет. Он слез с крыши и отправился на ресепшен. Навстречу ему попала парочка. Оба юные. Раскрасневшиеся. Счастливые. Шли крадучись, с таинственным видом.

За стойкой сидел все тот же человек, во все той же нелепой одежде и с такой же болезненной, истощенной физиономией.

– У вас все хорошо? – спросил он, увидев входящего Ричера.

– Все хорошо, – ответил тот. – А почему вы спрашиваете?

– Полицейские вас уже отпустили?

– Они меня не задерживали. Я уходил прогуляться. Вернулся – а моя дверь опечатана, будто это место преступления. Что это все значит?

– Я ни в чем не виноват. Ко мне явились какие-то двое. Заставили выдать им запасной ключ.

– И вы потом позвонили в полицию?

– Кажется, это сделал постоялец из одиннадцатого. Совершенный козел.

– Я же просил, чтобы не было никаких соседей.

Дежурный администратор достал из кармана двадцатидолларовую купюру и вручил ее Ричеру:

– Понимаете, он часто приходит к нам. Со своей подружкой. Тоже та еще сучка. А это их любимая комната. Он очень настаивал. Простите.

Ричер вернул ему деньги.

– Дайте мне другую комнату, – сказал он. – С тем же условием: без соседей с обеих сторон. И на сей раз оправданий я не приму.

Глава 11

«Найди работу, которая тебе по душе, и можешь считать, что ты всю жизнь не работаешь».

Такие слова Лев Эмерсон услышал от своего отца много лет назад, когда он еще учился в школе. Мысль, конечно, не новая. И не очень оригинальная. Тем не менее совет был дельный. Старый мистер Эмерсон и сам старался ему следовать. Он умер в возрасте семидесяти четырех лет счастливым человеком, почил на своем рабочем месте, после того как всю свою жизнь, сидя в углу небольшой мастерской в Бруклине, занимался изготовлением дамских шляпок. И Лев Эмерсон тоже следовал его примеру. С таким же энтузиазмом. Хотя совет повел его по такой дорожке, какой папаша никак не мог предвидеть.

На первый взгляд можно было подумать, что Лев Эмерсон является владельцем и руководителем фирмы по обеспечению противопожарной безопасности на двух ничем не примечательных товарных складах, расположенных в южной части Чикаго. А что, вполне законный бизнес. В штате Иллинойс Эмерсон был на хорошем счету. У фирмы имелся свой устав. У фирмы были акционеры. Ответственный персонал на руководящих должностях. Наемные работники. Счета поставщиков всевозможных и широко известных торговых марок. Множество клиентов, большинство из которых были

полностью удовлетворены их сотрудничеством. Эмерсон исправно платил налоги. Являлся спонсором местной детской футбольной команды. Но бизнес его служил прикрытием для несколько иных товарно-материальных ценностей, их Эмерсон получал и перевозил из кое-каких, менее известных, источников.

Основная часть доходов корпорации, данные о которых он предоставлял налоговым органам, поступала от работ по установке спринклерных систем пожаротушения⁵ и систем сигнализации. Недостатка в клиентах – разного рода кооперативов, кондоминиумов, а также владельцев помещений для офисов или промышленных помещений в Чикаго – у него не было. Постоянно где-то возводились все новые здания. А старые всегда ремонтировались и подновлялись. И для такой фирмы, как компания Эмерсона, выбор заказчиков был самый широкий. Правда, законы и инструкции частенько менялись, но работать это несколько ему не мешало. Да, ситуация, удовлетворяющая в данное время всем нормам и положениям, через год может быть признана неприемлемой и даже опасной. А еще через пару лет вполне может стать снова нормой. То есть все служило чьим-то тайным интересам. Такой порядок в Городе ветров⁶ установил-

⁵ *Спринклерная система пожаротушения* – устройство, состоящее из водопроводной сети трубопроводов с оросителями, размещенными равномерно над защищаемой площадью.

⁶ Так в Америке называют город Чикаго.

ся с незапамятных времен. Во всяком кармане имелась подкладка. Каждая компания занималась своим делом. А компаний тут было предостаточно. Включая и компанию Эмерсона. Хлеб с маслом им обеспечивали корпоративные клиенты. Но это вовсе не означало, что компания отвернулась от маленьких людей с их интересами. Эмерсон добился того, чтобы ему позволили предложить полный спектр своих услуг всем домовладельцам, обеспокоенным проблемой безопасности своих домов. Это способствовало значительному расширению клиентской базы, и с точки зрения бизнеса это всегда хорошо. А постоянный поток автофургонов через стоянку фирмы, а также других видов грузового автотранспорта лишь усиливал впечатление того, что работа в компании идет в заурядном режиме. Что было очень хорошо, хотя совсем по другим причинам.

Если имя Эмерсона и было обозначено в табличке на двери его кабинета, то к обычной, банальной стороне этого бизнеса он не имел никакого отношения. Для этого у него были наняты люди, которые прекрасно знали свое дело. Этим людям можно было доверять, в частности и в том, что они не станут совать нос куда не надо. Они занимались своим делом, а он своим. Отчасти потому, что Эмерсон прекрасно умел распределять обязанности. И отчасти потому, что никакие спринклерные системы пожаротушения, системы сигнализации и все такое прочее, связанное с пожарами и их предотвращением, его вообще не интересовали. Но главным

образом потому, что все свое время он полностью посвящал совсем другим операциям. Так сказать, параллельным.

То есть занимался делами, которые были ему по душе.

Некоторые заказы Эмерсон исполнял лично, и делились они на две категории. Такие, где внешне все выглядело как несчастный случай. И такие, где так не выглядело. Заказ, который он завершал в данный момент, никак не должен был походить на несчастный случай. Уж это точно. Это будет настоящий шедевр. У него все будет хорошо продумано и выверено. И абсолютно невозможно будет отследить, что это сделал именно Эмерсон. И как-то связать с его клиентом. Короче, то был проект, недвусмысленный в своем значении. Созданный отчетливым и уникальным почерком. И если тот, для кого предназначено сие послание, окажется человеком недалеким или просто дебилом, то же самое можно будет повторить еще раз, и связь будет легко прочитываться.

Эмерсон понимал: сказать, что он все еще активно трудится, чтобы закончить работу над заказом, было бы натяжкой. В сущности, работа завершена. Больше делать ничего не нужно. На результат его дальнейшее присутствие уже никак не повлияет. Окажись он отсюда за сотни миль, ничего бы не изменилось. Четверо его людей уже сейчас далеко. Направляются на базу в двух безликих белых фургонах, чтобы подготовить оборудование и пополнить необходимые запасы для следующего проекта. Он мог бы уехать с ними. Это было

бы вполне разумно. Но он остался. Ему хотелось посмотреть на все своими глазами. Ему это было просто необходимо.

А благоразумие – пошло оно к черту.

Ему по душе делать это.

Эмерсон стоял на Мемориальном мосту Талмаджа в штате Джорджия, почти в двух сотнях футов над поверхностью реки Саванны, на полпути между материком и островом Хатчинсон. Остров представлял собой полосу земли, которая разрезала русло реки, отделяющей штат Джорджия от штата Южная Каролина. Эмерсон именно стоял, а не ехал. Положив обе руки на край бетонной стенки с западной стороны моста. Рядом с ним стоял Грэбер, его правая рука. Тоже положив руки на стенку. То есть точно в такой же позе, – правда, он был чуть ниже ростом. И помоложе. И не настолько одержимый, как его босс.

Ходить по мосту пешком не очень-то поощрялось. Пешеходной дорожки здесь не было. Велосипедной тоже. Но еще на стадии разработки проекта архитекторы опасались, что на мосту могут случаться автомобильные поломки или даже аварии, в результате которых машины начнут сталкиваться одна с другой. Никак нельзя было позволить, чтобы такая важная транспортная магистраль города оказалась заблокирована. Даже на короткое время. В любом направлении. И власти обеспечили проезжую часть моста просторной обочиной. С обеих сторон. Специально для того, чтобы в усло-

виях чрезвычайной ситуации движение транспорта не нарушилось. И ненароком получилось так, что эти обочины оказались в меру широки для того, чтобы в другое время в меру мотивированные граждане могли ходить по ним пешком, бегать или на чем-нибудь ездить. И так уж идеально получилось, что парочке приезжих было куда выйти из машины, чтобы полюбоваться с моста прекрасными вечерними видами.

Однако, будь Эмерсон любителем прекрасных видов, он сейчас смотрел бы совсем в другую сторону. В противоположную. В сторону старого города. Туда, где виднелись зеленые площади, мощеные улицы, пряничные домики и увенчанные куполами общественные здания. Демонстрирующие богатый отрезок истории города, осиянного золотистым светом и отражающегося в плавно бегущих вечерних водах реки Саванна. Но Эмерсона эти материи мало интересовали, это все предназначалось для туристов. Ему было начхать и на колониальное прошлое, в которое своими корнями уходила история города, и на то, насколько близко его облик совпадал с первоначальным замыслом его основателей. Внимание Эмерсона сосредоточилось на промышленной части города. На раскинувшихся перед ним портовых районах. На разросшемся сложном лабиринте из емкостей для хранения газа, контейнеров и складских помещений, захламляющих западный берег реки. Особенно его интересовало одно строение. Складское. Очень большое, со стенами из белого металла и

такой же белой металлической крышей.

Эмерсон знал, что, кроме кое-как выделенного перегородками помещения офиса в одном из углов этого строения, внутренних стен там больше не было. Его проинформировали о том, что большая часть склада наполнена опечатанными деревянными ящиками. Ему сообщили, что в ящиках этих хранятся детские куклы. Из Китая или еще откуда-нибудь. Эмерсону было все равно откуда. Он получил результаты подробнейшего химического анализа составных частей этих подозрительных кукол, а также полностью упакованный ящик с куклами, точно такой же, какие хранятся на этом складе, – для проверки. Которую он и произвел. Тщательным образом. Хотя сам внутрь не заглядывал. Он был не из тех, кто рискует, если в том нет особой необходимости. Кое о чем безопаснее вообще не знать.

Об этом складском строении и о том, что в нем содержится, Эмерсон знал не только умозрительно. Предыдущие два дня он посвятил самому тщательному за ним наблюдению. Во-первых, чтобы оценить принятые там меры безопасности. А во-вторых, чтобы убедиться в том, что это место заполнено предметами, которые не согласуются с установленными нормами и требованиями. Первый пункт – узкопрактический. Второй – чисто деловой. Если число жертв вырастет, значит вырастет и цена. Таков был в данном деле основополагающий принцип. Эмерсон играл в эту игру не ради денег – он был лучшим, и это должно быть признано и оце-

нено по достоинству. Так было бы справедливо. Вдобавок у него есть жена. А также сын. Парню уже за двадцать, но он все еще был для отца серьезной обузой. С финансовой точки зрения. Расходов у Эмерсона и так было много, самых разных, и все они требовали внимания. Автомобили. Еда. Одежда. Лечение. Только в прошлом году на все это ушло более четверти миллиона долларов. А скоро придется еще и платить за учебу в колледже. Если, конечно, ребенок одумается и возьмется за ум. Что и говорить, жизнь Льву Эмерсону обходилась недешево.

Спустя двое суток наблюдений Эмерсон пришел к выводу, что причины давать отбой нет никакой, как нет и оснований требовать больше денег, поэтому нынче утром, еще до восхода солнца, начался этап реализации проекта. Сначала была отключена тревожная сигнализация. По следующим параметрам: проникновение постороннего лица, задымление, повышение температуры. Выключена также автоматическая система пожаротушения. Было доставлено необходимое оборудование. А также химические вещества. Специально подобранные для работы данного рода и хранящиеся в специальных контейнерах. Были проложены кабели. Установлены механизмы контроля. Произведены необходимые замеры. Проведены расчеты. Сделаны убедительные прогнозы относительно воздушных и тепловых потоков. В стенах и крыше, в стратегически важных местах, были проделаны отверстия. В целях оптимизации циркуляции воздуха были должным об-

разом переставлены ящики. Для верности снова проведены расчеты. Проверены и еще раз перепроверены. Были внесены дополнительные коррективы. И наконец, когда Эмерсон остался вполне доволен сделанной работой, произведена эвакуация с объекта. Его детище было установлено, снаряжено взрывателем и активировано. Двери были закрыты и снова заперты на замок. Фургоны покинули место события. Эмерсон с Грэбером слегка перекусили и приготовились любоваться шоу.

К тому, что было Эмерсону по душе.

Грэбер тихонько подтолкнул локтем руку Эмерсона. Над объектом показалась первая струйка дыма. Медленно, еще не совсем уверенно, она поднималась над одним из отверстий в крыше хранилища. Еще тоненькая. Бледненькая. Едва заметная. Словно робкий намек на то, что ждет их впереди. Несмелое обещание. Сердечко в груди Эмерсона так и затрепетало. Теперь этого человека можно было сравнить с меломаном, внимающим первым нежным ноткам любимой симфонии. Эти минуты предвкушения главного действия были восхитительны. Невыносимо прекрасны. Вот струйка дыма пошла гуще. Потемнела. Вот она уже вьется, вертится, пляшет. Пошла быстрее, все шире и шире...

У Эмерсона зазвонил мобильник. Господи, как некстати. Он сунул руку в карман, выхватил аппарат, посмотрел на экран. Прочитал слова: «Звонок с домашнего телефона».

Значит, звонит жена. Которой этого делать не следовало. Он заранее проинструктировал ее, когда можно звонить, а когда нельзя. Объяснил просто и ясно. И она прекрасно знала, что прерывать его на последнем этапе работы категорически запрещается. Поэтому Эмерсон нажал на кнопку и отклонил вызов. Сунул мобильник обратно в карман. Снова повернул голову в сторону складского помещения – дым над ним уже клубился из пяти отверстий. Эмерсон задержал и успокоил дыхание. И стал ждать появления языков пламени.

Секунд через тридцать зазвонил телефон у Грэбера. Он посмотрел, кто звонит, отошел в сторонку, ответил. Проговорил больше пяти минут. Потом с побледневшим лицом вернулся к Эмерсону. Руки его дрожали. Хотя Эмерсон этого не замечал. Не мог оторвать глаз от бушующего пламени. К этому времени крыша складского помещения уже рухнула. Стены повело, они коробились буквально на глазах. Пламя яростно рвалось вверх, языки его лизали небо. Недавно еще пустое, темное небо теперь переливалось живыми и яркими красками. А к месту пожара уже спешили пожарные машины. Они были уже совсем близко. Целая колонна. Не менее полудюжины. Вспыхивали и гасли мигалки, вопили сирены. Эмерсон улыбнулся. Зачем только приезжали? Сидели бы спокойно в своей пожарке. Здесь от них никакого толку. Сделать они уже ничего не смогут. Брызгать из своих жалких брандспойтов на плоды его трудов – все равно что пытаться погасить солнце. Бесполезно, по крайней мере в ближайшие

несколько часов.

Грэбер поднял руку. Вытянул ее вперед, медленно, словно хотел оттолкнуть от себя какой-то невидимый тяжелый предмет. Коснулся руки Эмерсона. Схватил его за рукав. Осторожно потянул к себе.

Эмерсон не обращал на него никакого внимания.

Грэбер снова дернул, уже сильнее.

– Босс, – сказал он, – вам надо позвонить домой.

Эмерсон и головы не повернул.

– Потом, – отрывисто бросил он.

– Нет, – продолжал настаивать Грэбер. – Сейчас. Простите меня. Но поверьте... Это не терпит отлагательств.

– Что «это»?

– Это связано с Кайлом. Вашим сыном.

– Что он опять натворил?

– Босс, простите... мне очень жаль... Кайл умер. Час назад.

Глава 12

Автобус дальнего следования был наполнен звуками. Толстые шины катились по черному асфальту со стуком, пересчитывая в нем все многочисленные трещины и выбоины. Печально вздыхая, шелестела-бормотала система вентиляции. Из наушников некоторых пассажиров доносились, враждую друг с другом, басовые ритмы. Те, кто помоложе, пялились в экраны планшетов или мобильных и громко смеялись. Те, кто постарше, разговаривали. Какая-то пара ссорилась. Кое-кто уже, похрюкивая и постанывая, самозабвенно храпел. В нормальных условиях подобный непривычный шум всегда мешал Джеду Стармеру уснуть. Он любил, чтобы ночью было тихо, не считая, конечно, обычных сирен и глухого шума дорожного транспорта, который просачивался в окошко его спальни. Но безумные хлопоты последних нескольких дней взяли свое. Теперь хлопоты закончились, а тут еще темнота и мягкое покачивание кресла. Он погрузился в глубокий сон. И спал так крепко, что проснулся лишь через несколько минут после того, как водитель включил в салоне яркое освещение. Автобус стоял на площадке рядом с другим таким же автобусом, а остальные пассажиры уже встали с кресел, потягивались, возились с багажом, двигались по проходу.

На предыдущей остановке, в городе Блайт, штат Кали-

форния, Джед переложил свой рюкзак себе на колени. Склонился над ним, пристроил на верхний клапан голову и обнял рюкзак обеими руками, как большого плюшевого мишку. Сейчас он выпрямился и снова положил рюкзак на соседнее сиденье – ему не хотелось, чтобы его, Джеда, считали маленьким. Потом посмотрел в окно. Вдали, на стене автобусной станции, разглядел транспарант. Рисованные силуэты гор, кактусы, и на их фоне по-английски и по-испански надпись: «Добро пожаловать в город Финикс, штат Аризона». Джед посмотрел на часы. Они показывали десять минут третьего. Близилось утро, скоро наступит среда. Судя по времени, автобус прибыл на десять минут раньше, чем указано в расписании. И простоят еще долго, целых полтора часа. Это единственная длительная стоянка перед Эль-Пасо, штат Техас, до которого они доберутся только к полудню. Джед решил выйти из автобуса. Размять ноги, поискать, чем тут можно перекусить. Но потом передумал. У него осталось только триста долларов. А впереди предстоят большие траты. Да и все тело, казалось, гудело. Он сильно сомневался в том, что сможет заставить себя выбраться из кресла. Так что остался на месте. Откинулся на спинку. Закрыв глаза. И свой рюкзачок постарался больше не обнимать.

Не хотелось, чтобы его считали ребенком.

А в это время в Лос-Анджелесе его приемная мать никак не могла уснуть.

Спать она легла как обычно, но спокойно отдыхать мешала ей злость. В груди ее все так и кипело, она каждую минуту прислушивалась, надеясь уловить крадущиеся шаги Джеда. Небось гулять отправился, шляться со своими друзьями. Или того хуже, с девчонкой. Ишь чего вздумал, шататься по ночам в то время, когда все порядочные люди спят. Бог знает какими он там делишками занимается, наверняка распутство какое-нибудь... думает, что никто этого не заметит. И он сможет потихоньку проскользнуть в дом посреди ночи и как ни в чем не бывало завалиться в постель.

Как бы не так.

Пусть только вернется, она покажет ему, как он на этот счет ошибается.

Бежали минуты, час за часом, а она все лежала неподвижно на кровати, сочиняя в уме наставления своему приемному оболтусу. Повторяла нотации, собираясь промыть ему мозги. Придумывала все новые угрозы и кары на его голову. Все эти думы вконец измотали ее, и тут вдруг громко зазвенел будильник. К этому часу уже сказалась усталость, и злость ее сменилась беспокойством. Джек все не возвращался. Уже утро, а он где-то шляется... на него это не похоже. Она уже стала подумывать, не стоит ли обзвонить местные больницы. Может быть, даже позвонить в полицию. Беспокойство настолько выросло, что превратилось в настоящий страх. Женщина встала, пошла одеваться и вот тут-то и обнаружила, что деньги, которые она берегла на черный день,

пропали. Нет, они не просто исчезли сами по себе. Пачку двадцатидолларовых купюр наверняка кто-то стащил. Она проверила одежду Джеда. Кое-чего тоже не хватало. Хотя выбор казался довольно странным – если бы она захотела куда-то поехать, взяла бы что-то совсем другое. Но факт оставался фактом: некоторые вещи отсутствовали. И в довершение всего, заглянув в ванную комнату, она обнаружила, что пропала и зубная щетка Джеда.

Джед сбежал, прихватив с собой ее денежки. Другого объяснения ей в голову прийти не могло. Надо же... неблагодарное, вороватое отродье!

Приемная мать Джеда начала было собираться на работу, но прервала этот процесс. Схватилась за телефонную трубку. Позвонила своему начальнику. Сказала, что серьезно заболела и на работу выйти не сможет. Потом набрала 911, и теперь разговор у нее был совсем уже другого рода.

Джед отчаянно старался не нарушать никаких законов. Чтобы никак не связываться с полицией. Но ему и в голову не приходило, что связаться с полицией можно и совсем по другим причинам. Но теперь перед ним стояла четкая цель. Он хотел начать новую жизнь.

Лев Эмерсон в ту ночь тоже почти не спал.

Четырнадцать часов он провел вместе с Грэбером в автомобиле; они мчались из штата Джорджия на север через штаты Теннесси, Кентукки и Индиану, пока, срезав уголок

Иллинойса, не добрались до окраин Чикаго. За баранкой сидели по очереди, что с точки зрения безопасности на дорогах было правильно. Но отнюдь не правильно для состояния духа Эмерсона. Жене он позвонил, еще будучи на мосту над Саванной, не в силах больше любоваться на пожар, который он запалил. Голос ее звучал далеко и казался неживым, как у привидевшегося во сне мертвеца. Она рассказала, что случилось с Кайлом. Их сыном. Сначала его реабилитация, как и ожидалось, проходила как нельзя лучше. И вдруг что-то пошло не так. Организм парня просто взял и прекратил функционировать. Первой, конечно, перестала работать печень. А потом пошло дальше. Словно повинувшись эффекту домино, начал отказывать один орган за другим. Она сразу же позвонила врачу, но было слишком поздно. Ничего уже сделать было нельзя. Тело Кайла съеживалось и ссыхалось, жизнь из него ускользала прямо у нее на глазах. И остановить это она была не в силах.

Кайлу было всего двадцать два года. Это было несправедливо. Особенно после всего, что они сделали, чтобы помочь ему. После того, как угрохали на него уйму денег.

Когда Эмерсон сидел за рулем, ему надо было сосредоточиться совсем на другом. На том, чтобы не попасть в аварию. Чтобы не перевернуться, когда стрелка спидометра дрожит на отметке сто двадцать миль в час. Исправление подобной ситуации может послужить причиной серьезной задержки. Но когда за баранкой сидел Грэбер, Эмерсон с огромным

трудом боролся с переполнявшими его чувствами. В голове до сих пор эхом отдавались слова жены. А потом перед глазами вставали воспоминания, связанные с его сыном. А вместе с ними – страшное раскаяние и горе. Бесконечное горе. И бесконечное нежелание своими глазами увидеть то, что поджидает его дома.

Машина Грэбера стояла в гараже Эмерсона. Он оставил ее там, когда они отправлялись в Джорджию. На последнем этапе машину вел Эмерсон. Он нажал на кнопку пульта, подождал, когда дверь, лязгнув, поползла вверх, открывая проезд в гараж, въехал и остановил машину. Грэбер потянулся к ручке дверцы и, перед тем как выйти, повернулся к боссу.

– Что будем делать, как считаете? – спросил он.

Эмерсон секунду подумал. Представил, что его ждет, когда он войдет в дом. И как долго это продлится.

– Позвони Шевченко, – сказал он. – Он наш большой должник. Скажи, что нам нужен самолет. Сегодня же. А еще, возможно, вертолет, на завтра или послезавтра. Встретимся на складе. Часа через два. Прихвати с собой всех остальных. И упакуй сумку.

– И куда мы отправимся?

– Искать тех, кто продал моему сыну дрянь, которая его убила.

Глава 13

Перебравшись в новую комнату, Джек Ричер лег и уснул, но спал чутко. Проснулся, как и настроился, – в девять утра. Принял душ. Оделся. И уже собирался было сунуть в карман зубную щетку и уходить, как вдруг в дверь кто-то громко постучал.

– Джек Ричер? – раздался за дверью голос. – Это я, Хэрвуд, инспектор Управления полиции Джеррардсвилла. Вы у себя? Нам надо поговорить.

Ричер открыл дверь и впустил инспектора в номер. Тот вошел и огляделся. Подождал, когда Ричер сядет на кровать, а сам уселся в единственное кресло. Мягкое, бирюзовое, с шатающимся подлокотником и очень неудобное. Хэрвуд повертел в руках принесенную с собой папку, словно не знал, что с ней делать, потом положил ее на пол.

– Вам надо приобрести мобильник, – сказал он.

– Зачем? – удивился Ричер.

– Чтобы вам можно было позвонить.

– А кто, например, собирается мне звонить?

– Например, я.

– И часто вы собираетесь это делать?

Хэрвуд помолчал немного.

– Нет, – ответил он. – Но дело не в этом. Вас очень трудно найти. И было бы гораздо легче, если бы я мог позвонить. И

спросить, где вы находитесь.

– Но вы же все-таки меня отыскиали.

– Ну да... в конце концов отыскал. Но знаете, чего мне это стоило? Я обзвонил все отели в городе, везде спрашивал, не останавливался ли у них человек по фамилии Ричер. Конечно, везде отвечали, что нет, не останавливался. Тогда я понял, что вы регистрировались под чужим именем. И вспомнил, вы мне говорили: мол, прибыли в город, чтобы посетить выставку, посвященную сражению при Пи-Ридже. Тогда я снова обзвонил все отели. И теперь уже спрашивал про постояльца по имени Сэмюэл Кёртис. Так звали генерала, который в этой битве одержал победу. И бац! Вот вам пожалуйста, я здесь.

– Впечатляюще. Вы настоящий детектив.

Хэрвуд улыбнулся. Но как-то не очень весело.

– Давайте перейдем к делу, – продолжил он. – Поясню, с какой целью я хотел с вами поговорить. К вашему сведению, дело, касающееся женщины, сбитой автобусом, закрыто.

Ричер сразу вспомнил про двух мужчин, которых накануне вечером увезли на каталках. Они были в очень плохом состоянии. Возможно, именно это обстоятельство заставило их пойти на сделку со следствием.

– Вы их поймали? – спросил он.

– Этот случай признали самоубийством.

Ричер промолчал.

Хэрвуд прикрыл глаза и покачал головой:

– Послушайте, я помню то, что вы мне рассказали. Про человека в капюшоне. Про то, что он эту женщину толкнул. И я вам верю. Но тут есть одна загвоздка. Появился еще один свидетель. Он клянется, что своими глазами видел, как женщина сама нырнула под автобус. Нарочно.

– Он ошибается.

– Я вам верю. Но что делать с этим свидетелем? Он... он уважаемый человек.

– А я, выходит, нет?

– Я этого не говорил. Мой начальник...

– Этот свидетель ошибается. Или лжет. Возможно, он сам в этом замешан. Или ему заплатили.

– Он добропорядочный гражданин. Всю свою жизнь прожил в этом городе. У него здесь свой дом. Женат. Имеет работу. В азартные игры не играет. Не пьет, не употребляет наркотиков. Долгов не имеет. Ни разу не получал даже штрафа за неправильную парковку.

– А как насчет других свидетелей? Пассажиры автобуса. Кто-нибудь должен был что-то видеть.

– Одна пассажирка тоже утверждает, что видела, как та женщина прыгнула под колеса. Но свидетельница была без очков, так что толку от нее в любом случае мало. А другая пассажирка видела вас. Как вы убегали с места преступления. Именно поэтому мой начальник...

– Женщина оставила записку?

Хэрвуд помолчал.

– Оставила... дома. В Миссисипи. На кухонном столе. Медэксперт предоставил нам ее отпечатки, мы проверили ее документы и попросили местных полицейских заглянуть к ней домой. Записку нашли сразу.

– Была отпечатана?

– Нет. Написана от руки. И подписана. Тут, кажется, все чисто.

– Почему вы считаете, что она подлинная?

Хэрвуд поднял папку, взял из нее два листа бумаги и протянул Ричеру.

– Первый документ, – сказал он, – заявление о приеме на работу. Компания, где она работает... работала... просит всех кандидатов заполнять эту форму от руки. Предполагается, что по почерку можно узнать некоторые неявные сведения о характере и наклонностях человека. Помогает отсеять социопатов и прочих нежелательных кандидатов. А вторая бумага – ее записка.

Ричер начал с заявления о приеме на работу. С порядком оформления таких документов он был мало знаком, но то, что он там увидел, показалось стандартным и малоинтересным. Первая графа была озаглавлена следующим образом: «Укажите причины, по которым вы желали бы получить эту должность». Почерк Анжелы был крупным, округлым и немного детским. В своем ответе она заявила, что желала бы помогать людям. Усовершенствовать навыки, которыми она овладела на предыдущих местах работы. Внести свой вклад в

процветание общества в целом. Здесь ничто не указывало на то, что она была кандидатом, сколько-нибудь выделяющимся на общем фоне. Ни слова о том, что она очень хотела бы работать в тюрьме. С таким же успехом это заявление могло быть о приеме на работу смотрителем в приюте для бездомных собак. Или продавцом в кондитерской.

Второй листок не имел никакого структурного строения. Там не было ни вопросов, где нужно давать ответ, ни просьбы предоставить о себе какую-то информацию. Это был просто чистый лист бумаги. Обычный лист, которые используются в принтерах и копировальных аппаратах в офисах и дома по всей стране. Да и во всем мире. Они производятся на гигантских заводах миллионами пачек. Их используют, кладут в папку и про них забывают. Или просто выбрасывают. Или рвут в клочья. Но этот оказался не совсем обычным. Не совсем заурядным. Текст был написан в нижней части листа, совсем близко к его нижнему краю.

Если вы читаете эту записку, значит меня, к сожалению, уже нет в живых...

Ричер сравнил почерк на обеих бумагах. Манеру написания букв. Их размеры, форму, расстояние между ними и между словами. Пунктуацию. Стил, манеру формулировать мысли. Принял во внимание время написания. Влияние нервно-психологического напряжения. Он не был экспертом в этой области, но должен был признать, что оба документа выглядели так, будто написаны одним и тем же человеком.

Чтобы больше не видеть записку, Ричер сунул ее под бланк заявления и, передав обе бумаги Хэрвуду, произнес:

– Ну хорошо. Каковы мотивы, по-вашему?

– Несчастливая любовь.

– Как вы это себе представляете?

– Анжела в тюрьме работала помощницей администратора. Когда мы сообщили о происшествии в местную полицию, они связались с местом ее работы. Это частная компания. Они имеют право проверять личную электронную почту своих работников. Из соображений безопасности. Этот пункт оговорен в контрактах. Правда, большинство работников об этом не знают. Или сразу о нем забывают. Ну вот, тамошний айтишник вскрыл ее аккаунт. Это обычная процедура в случае неожиданной смерти работника. И обнаружил там переписку, которая продолжалась в течение нескольких недель. По всему выходит, что Анжела хотела бы возобновить прежние отношения с бывшим любовником. Он жил здесь неподалеку. Его звали Рот. Они договорились о встрече во вторник. То есть на вчерашний день. В своем последнем письме она намекнула, что, если у них ничего не выйдет, ей незачем больше жить. Этакая манера пассивной агрессии, с моей точки зрения.

– Значит, говорите, жил неподалеку?

– Что?

– Вы сказали, что ее дружок не живет, а жил неподалеку.

– Ну да, – кивнул Хэрвуд. – Рот мертв. Сердечный при-

ступ.

– Когда это случилось?

– В понедельник вечером. Довольно поздно. Где-то около полуночи.

– Выходит, что этот Рот умер меньше чем за двенадцать часов до того, как убили Анжелу. Вы считаете, что это просто совпадение?

Хэрвуд пожал плечами.

– Кто нашел тело? – спросил Ричер.

– Бывшая жена.

– Где?

– В его квартире. Вчера утром. Парень он был здоровенный. Мускулистый. Но не толстый. У него дома небольшой гимнастический зал. Он постоянно тренировался. Чуть ли не каждый день. И вдруг – бац! Был человек – и нет человека. Вот так запросто.

– Принимал стероиды? Или что там еще в последнее время придумали?

– Никаких признаков нет.

– А как бывшая жена оказалась у него в квартире?

– Пришла позавтракать.

– И вы считаете, это нормально?

– Для них – да, вероятно.

– Как она попала в квартиру?

– У нее есть ключ.

– Очень удобно.

– Еще бы.

– Может, бывшая пыталась снова к нему вернуться. Узнала, что он собирается встретиться с другой. Взревновала.

– Не думаю, – покачал головой Хэрвуд. – В разводе они были уже десять лет. Когда разошлись, она переехала в квартиру рядом. Соседи говорят, что у них отношения были как у брата с сестрой. Искра погасла сама собой много лет назад. Но враждебности между ними не было, общались мирно.

– У Рота были другие женщины?

Хэрвуд пожал плечами.

– А бывшая знала про его отношения с Анжелой?

– Мы ее об этом не спрашивали. Не было оснований. Тело Рота было найдено до того, как убили Анжелу. И пока ее не вытащили из-под автобуса, нам про нее ничего не было известно.

– То есть бывшая не подтверждала, что у них будет встреча?

– Нет. Но это не значит, что она об этом не знала. Хотя мы уже проверили это другим способом. – Хэрвуд порылся в папке, достал еще одну бумагу и положил ее на край кровати.

Ричер не был знаком с форматом, но догадался, что это распечатка переписки, на которую наткнулись специалисты из «Минервы». Текст состоял из чередующихся сообщений двух людей друг другу. Можно было предположить, что это Анжела и Рот, но имена указаны были так, что разобрать он не мог. Они представляли собой лишь группы букв и цифр

со значком @ посередине и. com – в конце. Каждое отдельное сообщение вплоть до самого последнего с левой стороны было выделено вертикальной чертой. Каждая последующая строка начиналась на один пробел правее, так что самое нижнее сообщение занимало менее половины ширины страницы. По времени оно было самое раннее, от Анжелы. В нем она как бы прощупывала возможность снова возобновить отношения. По стилю Ричер чувствовал, что она очень волнуется. Испытывает тревогу и трепет. Последнее послание, располагавшееся на самом верху листа, написанное утром в воскресенье, тоже было от Анжелы. Тон его уже был совершенно неживой. Подавленный. И без того робкая надежда ее, видимо, совсем угасла. Осталось лишь с трудом скрываемое отчаяние. Плюс намеки на то, что она не выдержит больше одиночества. В точности как говорил Хэрвуд.

Ричер опустил бумагу.

– Если Анжела приехала сюда, чтобы встретиться с Ротом, где ее сумка? Где ее машина? – спросил он.

Хэрвуд взял листок и положил его обратно в папку.

– Сумка была в ее машине. Машина на стоянке. На самой первой, если въезжать в город с востока. Откуда она и приехала.

– А я своими глазами видел, как тот человек забрал ее сумку. Потом ее, скорее всего, подбросили к ней в машину. В сумке был конверт?

Хэрвуд быстро просмотрел свои записи:

– Нет. Там был бумажник. Ключи. Кое-какие личные вещи. Но ничего похожего на конверт не было. Почему вы спрашиваете?

– Не важно. Чем вы объясняете кровь?

– Какую кровь?

– Кровь на сумке. Одна сторона ее была залита кровью.

– Об этом никаких записей нет. С чего вы это взяли?

– Я сам ее видел, своими глазами.

– Но как? На черной коже крови не разглядеть.

– Сумка была рыжевато-коричневая. И сделана не из кожи.

Хэрвуд снова заглянул в свои записи:

– Кожаная. Черного цвета.

– Ее подменили. На более приличную.

– Вы можете это доказать?

– А что вы скажете о ребенке Анжелы?

– Откуда вы знаете, что у нее был ребенок?

– Догадался.

– Она договорилась с соседкой, – сообщил Хэрвуд. – Эта женщина частенько присматривала за девочкой.

– У них договор на постоянной основе? Она ей приплачивала? Или, может быть, даже оформила документы об удочерении? Отдала ей любимые игрушки?

– У меня только та информация, которую мне прислали полицейские из Миссисипи, – пожал плечами Хэрвуд.

– А как насчет «БМВ»?

– Тут другая проблема, – покачал головой Хэрвуд. – Номера, что вы мне дали, зарегистрированы на жилой автоприцеп «додж» в Оклахома-Сити. Владелец вчера был на работе. У него есть квитанция с парковки. Где отмечено время, а также фото прибытия и отъезда автомобиля.

– Хорошо. А где стреляные гильзы? Я шесть раз выстрелил в ту машину.

– Криминалисты прочесали весь переулок. Ни одной не нашли.

– Тогда проверьте мои руки на следы пороха.

– И что это докажет? Что вы стреляли из пистолета? Ну стреляли из какого-то пистолета, но не факт, что по машине, тем более что и она пропала.

– А пожарная лестница? Это ведь неоспоримый факт.

– Да, она рухнула. Это факт. Но почему? Тоже неизвестно.

– А что скажете про...

– Послушайте, Ричер. Я уже задавал все эти вопросы. И мне велели прекратить. Прямо и недвусмысленно. Дело закрыто. Я пришел к вам лишь для того, чтобы сообщить об этом. Визит, так сказать, вежливости.

– В таком случае, думаю, на этом закончим. В какой стороне дверь, вам известно.

Хэрвуд не двинулся с места.

Ричер выждал с полминуты, потом встал и бросил ключ от номера на кровать.

– Сделайте одолжение, – сказал он. – Когда будете выхо-

дить, отдайте его дежурному администратору.

– Погодите, – отозвался Хэрвуд. – Я пришел, чтобы... В общем, я пришел не просто из вежливости.

Ричер снова сел.

– Если честно, мой начальник хочет, чтобы вы не вмешивались в это дело. Он считает, что от вас одни только проблемы.

– Другими словами, вы явились, чтобы попросить меня убраться из вашего округа куда-нибудь подальше?

– Нет. Меня здесь вообще не должно быть. Официально.

– Я понял. Показывать улики потенциальному подозреваемому не положено по инструкции.

– Да, – сказал Хэрвуд, опустив глаза в пол. – Начальник за это по головке не погладил бы.

– Но тогда зачем вы это делаете?

– Я просмотрел ваш послужной список. Ведь вы были следователем по особым делам. В своем прежнем подразделении. В армии.

– И что из этого?

– Послушайте... я в этом деле новичок.

– И?..

– Мне не у кого спросить.

– О чем?

– Если бы вы были на моем месте, что бы вы сделали?

– Насчет чего?

– Начальник приказал мне прекратить расследование. А

я думаю, что он не прав. И хочу продолжить работу. Стоит это делать, как вы считаете?

– Это нарушение субординации, неподчинение приказу.

– Да, сэр. Я это прекрасно понимаю.

Ричер секунду помолчал.

– Служили в морской пехоте? – спросил он.

– Откуда вы знаете?

– Мой отец был морским пехотинцем. Я знаю приметы, по которым это сразу видно.

– Ну так что? Как мне быть?

– Этот ваш начальник... он что, пройдоха? Он кого-то там прикрывает?

– Не думаю. Просто лентяй. Ему преподнесли результат в красивой коробочке, перевязанной ленточкой. А ему лень развязать и посмотреть, что там внутри. Даже этого не хочет сделать.

– А как зовут бывшую Рота?

– Ханна Хэмптон.

– А адрес?

– Я вам сейчас напишу.

– Хорошо. А потом вы должны сделать вот что. Вернитесь к себе на работу. Займитесь своими обычными делами. И об этом больше ни с кем ни слова.

– Я не прошу вас вести расследование вместо меня.

– Знаю.

– Вы не должны в него вмешиваться.

– Я уже вмешался.

– Значит, надо прекратить и оставаться в сторонке.

– Зверски убита женщина. Кто-то ведь должен что-нибудь предпринять.

– Мы сами предпримем какие-то меры. Наше полицейское управление.

– Правда? С вашим лентяем-начальником?

Хэрвуд снова опустил глаза в пол.

– Давайте мне этот адрес, – повторил Ричер. – А сами не высовывайтесь. Я буду на связи.

Глава 14

Если принять в расчет фурнитуру и светильники, прибавить сюда стоимость произведений искусства, которыми украшены стены, то квадратный фут в центральной приемной компании «Минерва» в Уинсоне обойдется вам дороже, чем в штаб-квартире любой корпорации штата Миссисипи. Бруно Хикс обожал разбрасываться подобными фразами. Особенно перед представителями прессы. Возможно даже, что это была чистая правда. Хиксу на это было наплевать. А в подробности вдаваться он не любил. Зато всегда любил производить на людей правильное впечатление. Приобретая тюремный комплекс, руководство «Минервы» прежде всего озаботилось тем, чтобы выстроить этот центр, и указание Хикса архитекторам было простым: проследите за тем, чтобы здесь так и разило большими деньгами. Здание центральной приемной располагалось неподалеку от выхода с территории в город, как раз напротив блоков с тюремными камерами. Здание было невысокое, двухэтажное, облицованное светлым камнем и в плане представляло собой букву V. Отчасти для того, чтобы оно могло разместиться на небольшой площади. Но главным образом, чтобы окна с внутренних сторон здания не выходили на строения, где располагались тюремные камеры, а также на дворики для прогулок заключенных. Одно крыло здания полностью было занято под

конференц-зал. Хикс пробрался через лабиринт пересекающих комплекс дорожек, огороженных бортиками, как раз в ту минуту, когда тайная сходка в блоке S2 уже завершилась; попасть на нее вовремя он так и не успел. Когда он, с порозовевшим лицом и запыхавшись, распахнул двойную дверь и вбежал в помещение, сидящие там шестеро человек сразу повернули к нему головы. Трое – с одной стороны длинного, сделанного из ольхи стола. Двое – с другой. И один воззрился на вошедшего с дальнего конца стола. Это были журналисты, которые явились сюда, чтобы получить информацию о мероприятии, запланированном на пятницу. А вдобавок еще кое-какие сведения, то есть все, чем он сочтет нужным напичкать их, пока они сидят тут, раскрыв рот, и слушают, что он скажет.

Хикс подождал, пока в кресле устроится еще один соучредитель «Минервы», Деймон Брокман, и отпустил охранника, который присматривал за посетителями. После чего Хикс приступил к делу, как привык делать всегда. Встал во главе стола и, подражая выступающим по телевизору проповедникам, простер к журналистам руки.

– Скажите мне откровенно, – начал он, – разве, сидя в этом помещении, можно сказать, что вы находитесь на территории тюрьмы?

Все пятеро журналистов послушно помотали головой. И только шестой, в дальнем конце стола, никак не отреагировал на этот вопрос.

Хикс улыбнулся и продолжил свою речь: он поведал слушателям одну историю. Ту, что случилась с ним и его коллегой Брокманом. Он рассказал о том, как тридцать лет назад они познакомились, будучи еще новичками-надзирателями в одном государственном исправительном учреждении в городе Лаббок, штат Техас. О том, какой ужас на них обоих произвели условия содержания заключенных. О том, как они, молодые надзиратели, стали свидетелями вопиющей нехватки средств на это. Свидетелями бесчеловечного обращения с арестантами. Потом Хикс подпустил в свой рассказ немного философии. Кое-что из Фуко⁷. Кое-что из Бентама⁸. Соединил все это вместе для того, чтобы стало понятно, какие идеи лежат в основе принципов, принятых в исправительном учреждении «Минерва». Неслучайно, кстати, названного именем античной богини мудрости, справедливости и прочих положительных качеств. В учреждении, призванном видеть в каждом заключенном существо, каким оно, собственно, и является, то есть человека. Да, человека, пусть даже и оступившегося, совершившего в своей жизни ошибку, свернувшего не на ту дорожку. Но у которого тем не менее еще есть возможность все исправить. И в дальнейшем вносить свой положительный вклад в общее дело. У та-

⁷ Мишель Фуко (1926–1984) – французский философ, теоретик культуры и историк.

⁸ Джереми Бентам (1748–1832) – английский философ, юрист и социальный реформатор, считающийся основателем современного утилитаризма.

кого человека есть будущее, при условии создания для него соответствующей среды и оказания ему дружеской поддержки. Хикс рассказал о принятых здесь компанией программах, профессиональной ориентации заключенных. О внедряемых новациях касательно их здорового питания и физической культуры. О профилактических медицинских обследованиях, проводимых за счет компании во всех пяти ее учреждениях подобного рода. Свои рассуждения Хикс подкрепил примерами и статистическими данными. Некоторые из них, возможно, даже были точными. Он указал на значительное повышение процента занятости после освобождения. И весьма значительное снижение процента рецидива. И закончил он тем, что подвел все вышесказанное к событию, которое должно состояться в ближайшую пятницу. Событию, сверкающему в короне «Минервы» одной из самых ярких жемчужин. Спонсируемая компанией программа апелляции для заключенных, которые отметились хорошим поведением и теперь могут убедительно заявить о том, что они стали жертвами несправедного правосудия.

Чтобы придать последним своим словам дополнительный вес, Хикс сделал паузу. Положил обе ладони на стол и наклонился вперед:

– Вопросы?

Хиксу всегда задавали массу вопросов, – как правило, они касались всяческих мелочей. Например, кто является спонсорами. Каковы правила приема на работу. О практических

подробностях трудоустройства. О правилах посещений заключенных. О случаях насилия в учреждении. Случаях организации в среде заключенных различного рода банд. Он ждал вопросов об окружающей среде или о влиянии деятельности компании «Минерва» на другие сферы жизни города. В последнее время эти темы приобрели жгучую злободневность. И тогда в его выступлении может появиться некий элемент непредсказуемости. И в зависимости от настроения аудитории беседа может принять острый характер. Например, могла быть затронута такая проблема: нравственно ли получать прибыль, зарабатывая на людях, помещенных в тюрьму. Или достаточны ли принимаемые меры против сексуального насилия над заключенными, которые не могут себя защитить. Имеются ли свидетельства расовых предрасудков среди охранников. Словом, все те аспекты, что требуют более серьезного и осторожного подхода.

В течение четверти часа пятеро сидящих перед Хиксом журналистов поставили в своих блокнотах все галочки. Хикс постарался произвести впечатление, будто прежде такого типа вопросов он никогда не слышал. И они ему самому показались весьма интересными. Он ответил на последний, как он надеялся, вопрос и намеревался уже завершить встречу, как вдруг ожил и зашевелился шестой журналист. Тот самый, сидящий на другом конце стола. Самый молодой из всех остальных. Круглолицый, с пухлыми щеками, растрепанными светлыми волосами, в выцветшей одежде, куплен-

ной в армейском магазине. Перекрасить волосы, добавить берет – вылитый Че Гевара, подумал Хикс. Молодой журналист обращал на себя внимание еще кое-чем. А именно тем, что до этого момента не проявлял никакого интереса к происходящему. Казалось, все это время он просто дремал.

– Уровень смертности в тюрьмах «Минервы» шокирует, – заявил он. – Почему он так высок?

Хикс опустил глаза на Брокмана и секунду молчал.

– Уровень смертности в наших исправительных учреждениях, – ответил он, предварительно облизав губы, – отнюдь не высокий. Вы считаете, что это не так? Можете пояснить?

Брокман достал из кармана мобильник. Он держал его низко, на уровне коленей, чтобы никто не видел, как он большим пальцем набирает кому-то текстовое сообщение.

– У меня есть свои источники информации, – ответил парень, похожий на Че Гевару.

– Открыть их, конечно, вы не можете? – спросил Хикс.

– Совершенно верно.

– Ловите рыбку в мутной воде, не так ли, мой друг? Ну что ж... я скажу вам, что вы забрасываете удочку не в тот водоем. Здоровье наших заключенных значительно лучше и средняя продолжительность жизни выше, чем в других аналогичных учреждениях. И это неслучайно. Так происходит благодаря нашему уникальному, прогрессивному, человеколюбивому курсу. Если злая судьба привела человека в места заключения, условия, предоставляемые компанией «Минер-

ва», пробуждают в нем желание покончить с прошлым раз и навсегда. В этом не может быть никаких сомнений.

– Так вы утверждаете, что уровень смертности у вас невысок?

– Да, именно это я утверждаю.

– И вы можете подкрепить свои слова точными данными?

– Конечно.

– Тогда почему вы их не публикуете?

– С какой целью? В них нет ничего необычного.

– Вы все равно должны публиковать эти данные. Ради прозрачности вашей деятельности.

– Все, что от нас требуется, в согласии с законами штата и федеральным законодательством, мы публикуем.

– Это лишь малая часть из того, что должны публиковать учреждения штата и государственные учреждения.

– Законы принимаем не мы. Мы лишь исполняем их. Добросовестно и безупречно.

– Это все дымовая завеса. В ваших тюрьмах серьезные проблемы с наркотиками, и вы тщательно стараетесь их скрыть. Всякий раз, когда ваш заключенный от передозировки попадает в больницу, вы выдаете это за некие превентивные меры, которые вы принимаете, исходя из вашего так называемого гуманизма. И у вас хорошо получается скрывать правду, если кто выздоравливает. Но когда человек умирает? Вот тут начинается реальный сюжет, верно?

– Нет, не верно. Послушайте, могу ли я, положила руку на

сердце, утверждать, что в каком-нибудь из наших учреждений сегодня кто-нибудь не примет наркотик? Нет, конечно. Мы все живем в реальном мире. И я человек не столь наивный. Но когда дело доходит до наркотиков, «Минерва», как и во всем остальном, в деле помощи и защиты наших заключенных оставляет далеко позади все остальные аналогичные организации. Мысль о том, что наркоманы у нас массово умирают, нелепа и смехотворна.

– Докажите. Приведите цифры.

– Я...

Но тут за спиной Хикса раздался громкий стук в дверь, и в помещение вошел охранник, который ранее присматривал за журналистами.

– Простите, что перебиваю вас, сэр, – произнес он, – но вас просят к телефону.

– Ответьте, что я перезвоню. Я сейчас занят.

– Вам звонит губернатор, сэр.

– Да? И что ему нужно?

– Он не сообщил. Сказал, что это срочно, сэр.

– Хорошо. Думаю, не стоит заставлять его ждать. А вы, будьте добры, помогите этим добрым людям найти дорогу к выходу, хорошо?

– Рад стараться, – кивнул в ответ охранник.

Хикс снова повернулся к журналистам:

– Простите, но на этом нам придется подвести черту. Жаль, конечно, потому что наша дискуссия доставила мне

истинное удовольствие. Друг мой... да, я обращаюсь к вам... я предоставляю вам эти цифры смертности. При условии, что наши юристы дадут мне зеленый свет. С конфиденциальной информацией следует обращаться осторожно, соблюдать существующие инструкции и так далее. А еще я поговорю с одним из наших заключенных. Возможно, он не откажет в любезности побеседовать с вами. Как раз в то время, когда компания «Минерва» взяла бразды правления в свои руки, у этого человека что-то случилось с глазом. Мы с Деймоном уже сталкивались с подобными случаями раньше, много лет назад, в другом исправительном учреждении. Руководство той компании не соизволило пригласить к заключенному врача, они сочли это слишком дорогим удовольствием. Не предоставили ему страховку. Состояние больного становилось все хуже и хуже, и в конце концов бедняга совсем ослеп. То же самое случилось бы и с нашим заключенным, но мы вовремя предоставили ему медицинскую помощь. И теперь он у нас занимается живописью. Пишет акварели. Некоторые выставлены в одной из галерей города Джексон. Этот человек может предоставить вам массу фактов, иллюстрирующих нашу гуманитарную политику. Тут нет места каким-то мифическим мертвым наркоманам. Это я вам гарантирую.

Хикс пожал каждому журналисту руку, и, когда последний из них вышел, он повалился в кресло, стоящее во главе стола.

– Нехороший момент получился. Высокий уровень смертности, ты слышал? Что-то уж слишком близко он подобрался... чуть ли не в самую точку.

– Кто он такой, этот щенок? – спросил Брокман. – Мне он даже нравится. Отличный способ отследить случаи смерти от наркотиков. Надо будет опробовать его на засранцах из колонии Кёртиса. Копнуть на него компры. И выложить, как раз в тот момент, когда у них закончится контракт в Канзасе.

– У нас есть куда более срочные проблемы. А за этим щенком надо понаблюдать. Круглосуточно, пока он не уехал из города.

– Не надо. Он для нас не опасен. Он ничего не знает. Как ты сказал, ловит рыбку в мутной воде.

– Пока не опасен. Но нельзя же допустить, чтобы он совал нос, куда не следует. Задавал вопросы, если он ищет наркотики.

– Ну и пусть себе ищет. Все равно не найдет. Во всяком случае так, чтобы связать их с нами.

– Ты упускаешь из виду главное. Наркота не появляется из ниоткуда. Ее еще надо как-то доставить, а это контрабанда. Нельзя допустить, чтобы кто-то отследил посылки, которые приходят в тюрьму. А уж тем более уходят из нее.

Брокман секунду подумал.

– Пожалуй, ты прав, – сказал он. – Оставь это мне. Попрошу присмотреть за парнем. И если понадобится, отбить у него всякую охоту совать к нам нос.

– Хорошо. Но это приводит нас к другой проблеме. Я говорю про этого типа из Колорадо. Который, возможно, сунул нос в конверт. Я вот что подумал: не безопасней ли будет подождать, вдруг он появится в городе.

– Не появится.

– Все может случиться. И если он тут окажется, я не хочу, чтобы у него был бы хоть один шанс пересечься с этим журналистом. Иначе нам придется иметь дело и с этим парнем, и с журналистом, который что-то разнюхает.

– Ты беспокоишься из-за каких-то пустяков.

– Я обеспечиваю нашу безопасность. И защищаю наши вложения. Так что наши планы надо будет подкорректировать.

– Не отменять же нам церемонию. Или устраивать ее за закрытыми дверями. Не слушай ты этого Ривердейла. Тот парень...

– Да не шумиха меня беспокоит. Я как раз хочу внимания общества. Она нам нисколько не повредит. Каков у нас худший вариант? Ну увидит он в телевизоре или прочтет сообщение, с фотографией при этом. После того, как все произойдет, уже будет поздно гнать волну. Опасность для нас в том, что он вдруг явится сам. И устроит нам спектакль в реальном времени. А этот любознательный щенок сделает стойку. Так что мы предпримем следующее. Оцепление выставим подальше. Прикинем, как этот тип может попытаться проникнуть сюда. В конце концов, он ведь бродяга

бездомный. Это существенно ограничивает его возможности. Определим потенциальные маршруты подхода и на всех стратегически важных точках расставим своих людей.

– Думаю, это не повредит. Хотя все равно остаюсь при своем мнении: он вряд ли сюда сунется.

– Предположим, что все-таки сунется. Вопрос, каким образом? Машины у него нет. Взять напрокат он не может, у него нет водительских прав.

– Может угнать.

– Такое вполне вероятно. Что еще?

– Его может кто-нибудь подвезти, какой-нибудь знакомый. Или доедет на попутке.

– Пожалуй. Еще?

– Может поступить по старинке. Сесть на автобус. Если у него есть чем заплатить за билет. В Джексоне есть станция маршрутов дальнего следования. Это к нам ближе всего.

– Думаю, он способен на это. Когда припрет. Время уже поджидает, если он уже не в пути. Еще?

Брокман секунду подумал:

– Насколько я понимаю, это все.

– Хорошо. Значит, так. Организуй-ка ты нам следующее. Поставь двоих человек на автобусной станции в Джексоне. Пусть проверяют каждый автобус, который приходит с запада. Еще двоих поставь на стоянке грузовиков на двадцатом шоссе. Если он попытается взять попутку, какие шансы, что он найдет водителя, который едет от Колорадо до Уин-

сона? Нулевые. Ему надо будет сделать пересадку, и не одну. В последний раз на приличном расстоянии отсюда. Он не настолько глуп, чтобы ловить попутку, когда до тюрьмы рукой подать. Еще двоих поставьте на пересечении с шоссе шестьдесят один, на тот случай, если он попытает удачи там. И еще двоих на шоссе восемьдесят семь, там, где стройка, на полпути из Джексона. Это на тот случай, если он угонит автомобиль или его будет подвозить знакомый. На том участке одностороннее движение. Машины идут медленно. Легко разглядеть, кто за рулем. И пассажира тоже.

– Придется задействовать много людей.

– Ставки слишком высоки.

– А как насчет самой тюрьмы? И дома Анжелы? Наблюдение продолжать?

– Конечно. Нет никакой гарантии, что он не проскочит.

– Выходит, привлекать надо будет еще людей.

– Другого выбора нет. Возьмите из каждого отряда по паре охранников. Исключительно людей «Минервы». И чтоб не смели ворчать. А восполнить нехватку из-за выбывших можно, отменив выходные, сдвоив другие дежурства. И еще: из наших людей подыщите мне самого крупного. Держите его в резерве. А также тех идиотов, которых мы посылали в Колорадо, тоже в резерв. Если кто сообщит, что заметил кого подозрительного, пусть сразу проверят. Если опознание даст положительный результат, сразу высылайте людей. И чтобы на этот раз нейтрализация прошла успешно.

– Если они быстро туда доберутся. И если наши парни его обнаружат. Боюсь, им придется туго.

– На этот счет у меня появилась одна мысль. Кое-какая подстраховочка на тот случай, если он все-таки проникнет сюда. Которая собьет его со следа. Позабочусь об этом, пока вы будете заниматься остальной логистикой.

– Понял. Скажу и Мосли, пусть вышлет дополнительные патрули. И проверю, чтобы все его группы имели при себе описание этого Ричера.

– Хорошо. Но полицейские должны заниматься только наблюдением. Нам надо справиться самим. Никаких официальных протоколов. Действуйте, Деймон. Дважды все проверьте и перепроверьте. Трижды. И проследите, чтобы каждый был на высоте. Вы же понимаете, что будет, если в пятницу все пойдет наперекосяк.

Глава 15

Многоквартирный дом Сэма Рота ничем не отличался от других зданий квартала. Двухэтажный. Облицованный по фасаду камнем. Добротный, но довольно скромный. Милый и вместе с тем безыскусный. И ничто не могло навести на мысль, что тридцать шесть часов назад в нем умер человек.

Возможно, в результате естественных причин.

А возможно, и нет.

Инспектор полиции Хэрвуд говорил, что смерть Рота случилась в результате сердечного приступа. И в этом не было ничего подозрительного. Люди то и дело умирают от болезней сердца. В Соединенных Штатах – 700 000 человек в год. Это больше, чем все население Вермонта. Примерно один человек – каждые сорок шесть секунд.

Ричер, возможно, не был бы столь скептичен, если бы единственным фактором здесь являлся сердечный недуг. И если бы Рот не был в хорошей спортивной форме, а организм его не привык к постоянным физическим нагрузкам. Если бы начальник Хэрвуда не был столь подозрительно ленив. Если бы Рот не умер за несколько часов до свидания с Анжелой Сен-Врен. Если бы Анжела не была убита...

Что-то многовато этих «если». И маловато ответов.

Фасады зданий смотрели на широкую, усыпанную листья-

ми улицу, но парадные входы были с другой стороны – там проходила аллея, чересчур узкая, чтобы можно было называть ее улицей, но слишком красивая, чтобы именоваться переулком. Она была аккуратно вымощена камнем. Чиста и опрятна. Здесь росли деревья и кустарник. Большинство домов с этой стороны были оборудованы солнечными террасами, балконами или соляриями на крыше. Здание, где жил Рот, имело две крытые террасы, разделенные между собой двойными дверями. Синего цвета. Цвета морской волны. С обеих сторон – площадки для стоянки автомобилей. Обе заняты. На одной стоял грузовичок. Сплошь красного цвета с хромированными деталями и тонированными стеклами. На другой – небольшой легковой автомобиль типа хэтчбэк. Весь серебристый и гладкий, а от заслонки на заднем крыле к левой дверце тянулся толстый провод.

Согласно адресу, которым его снабдил Хэрвуд, квартира Рота располагалась справа. Ричер постучал в левую дверь. Он почти надеялся, что никто не ответит. Приносить кому-то известие о смерти любимого человека – дело неблагоприятное. Ричер знал это по личному опыту. Он также понимал: говорить о том, что этот любимый человек, возможно, был убит, еще хуже.

Прошло две долгие минуты, и дверь рывком открылась. За ней стояла женщина. В укороченных белых брюках и простенькой синей футболке. Босиком. Светлые, кое-где с серебристыми прядками волосы зачесаны назад и перехвачены

в конский хвост простой эластичной ленточкой. Лицо мертвенно-бледное, не считая темно-красных кругов под глазами. Лет сорока пяти, подумал Ричер, хотя в сложившихся обстоятельствах судить трудно.

Женщина мгновенно окинула Ричера оценивающим взглядом.

– Сэма нет дома, – сказала она. – Он...

– Я знаю, – отозвался Ричер. – Я ищу не Сэма. Мне нужно поговорить с вами.

Казалось, женщина растерялась.

– Что касается Сэма, – торопливо сказала она. – У нас тут, видите ли, кое-что случилось... Сэм... он...

– Да-да. Я знаю про Сэма. А вы Ханна? Ханна Хэмптон?

Женщина заморгала, потом кивнула.

– А вы кто? – спросила она.

– Меня зовут Ричер.

– И чего вы хотите?

– Вам известна женщина по имени Анжела Сен-Врен?

– Анжела? О господи... Я должна сообщить ей про Сэма.

– Так вы знаете ее?

– Знаю? Знала... Не видела много лет. Она переехала в Миссисипи. О боже, и Дэнни... Надо и ему сообщить про Сэма.

– Кто такой Дэнни?

– Дэнни Пил. Он тоже туда переехал. Он нашел там для Анжелы работу.

– А Сэм знал Анжелу?

– Конечно. Они вместе работали. Несколько лет назад. Сэм был ее боссом. Даже, скорее, наставником.

– А Сэм был знаком с Дэнни?

Ханна кивнула.

– Они поддерживали друг с другом связь? – спросил Ричер.

– Дэнни – не очень-то. Разве что Анжела, но тоже нерегулярно. Иногда обращалась к Сэму за советом. В основном по работе. А почему вы об этом спрашиваете?

– А Сэм и Анжела в последнее время общались?

Ханна немного подумала.

– Да, – ответила она, – в прошлые выходные. Она что-то ему посылала по электронной почте.

– Что-то личное? Или по работе?

– По работе.

– Сэм говорил, что это было?

– Какие-то дурацкие бухгалтерские счета, что ли. Анжела не знала, что с ними делать. Была в затруднении. Она частенько испытывала затруднения. И в этот раз Сэму не стоило вмешиваться. Я сказала ему, передай, пусть сама разбирается. У тебя, мол, и своих дел хватает. Но Сэм есть Сэм. Он никогда не отказывал друзьям в помощи.

– А что за бухгалтерские счета? Какого рода?

– Да я и не знаю. Что-то вроде насчет каких-то цифр, которые с чем-то не сходятся, – проговорила Ханна, потом се-

кунду подумала. – Погодите. Что это вы все выпрашиваете? Вы меня пугаете. Что с Анжелой? И какое вам до нее дело? Говорите, иначе больше я вам не скажу ни слова.

Ричер немного помолчал.

– Ханна, – сказал он после паузы, – у меня есть для вас кое-какие новости. Они касаются Анжелы. Нехорошие новости. Мы можем где-нибудь присесть?

– Да кто вы такой, в конце концов? – спросила Ханна и сделала шаг назад.

– Меня зовут Ричер. Вы помните инспектора Хэрвуда? Вы разговаривали с ним вчера, после того как нашли Сэма. Я уверен, что он оставил вам визитку. Позвоните ему. Он за меня поручится.

Дверь закрылась, но через две минуты открылась снова. Ханна жестом пригласила Ричера войти. Он прошел вслед за ней в квартиру. Ханна провела его в гостиную. Вся мебель здесь была из светлого дерева. Диван и кресла, обитые тканью мягких тонов, два невысоких книжных шкафа, в углу – телевизор с небольшим экраном. Овальный обеденный стол со стеклянной столешницей, окруженный стульями с белым кожаным сиденьем. У дальней стены находился кухонный уголок, прятавшийся за барной стойкой. Перед ней стояли два высоких табурета. Ханна прошла туда и села на один из них. Ричер последовал за ней и занял другой.

Ханна поставила локоть на стойку.

– Сейчас вы скажете, что Анжела тоже умерла, – сказала она.

– Как вы догадались?

– Инспектор Хэрвуд сказал, что когда-то вы были полицейским. В армии. А когда у тебя на пороге появляется полицейский, задает о ком-то вопросы, а потом говорит, что принес нехорошую новость, не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться. Что с ней случилось?

– Ее сбил автобус.

– Серьезно?

Ричер кивнул.

– Мне очень жаль. Это ужасно. Это был несчастный случай?

– Нет.

– Погодите. Это было... Не могла же она...

– Сама броситься? Нет.

– Ее убили? Это ужасно. Говорила же я ей, не надо тебе туда ехать, в штат Миссисипи. Там живут одни только сумасшедшие, это всем известно.

– Это случилось здесь. В Джеррардсвилле.

– Не может быть. Я не верю. Когда?

– Вчера.

– Что Анжела делала в Джеррардсвилле, да еще вчера?

– Полиция считает, она приехала, чтобы встретиться с Сэмом.

– Зачем? Он же помогал ей с этой ее бухгалтерией по те-

лефону. И по электронной почте. Ей незачем было ехать так далеко.

– Полиция считает, что между ними кое-что было.

– Что? Романтические отношения?

Ричер кивнул.

– Исключено, – помотала головой Ханна.

– Вы уверены?

– На тысячу процентов. Понимаете, во-первых, если бы Сэм кем-то в этом смысле заинтересовался, он бы обязательно рассказал мне. А во-вторых, если бы он искал романтических приключений, то скорее бы клюнул не на Анжелу, а на вас, например.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.